

АНДРЕЙ САМЦЕВИЧ

МАРШ СМЕРТИ РУССКОГО ОХРАННОГО КОРПУСА

Военно-исторические книги издательства «Яуза»

Андрей Самцевич

**Марш Смерти Русского
охранного корпуса**

«Яуза»

2019

УДК 93/94
ББК 68

Самцевич А. А.

Марш Смерти Русского охранного корпуса / А. А. Самцевич —
«Яуза», 2019 — (Военно-исторические книги издательства
«Яуза»)

ISBN 978-5-00155-025-9

Созданный на территории оккупированной Сербии Русский охранный корпус Вермахта до сих пор остается малоизученной страницей истории Второй мировой войны на Балканском театре. Несмотря на то, что он являлся уникальным прецедентом создания властями Германии обособленного формирования из русских эмигрантов, российские и зарубежные историки уделяют крайне мало внимания данной теме. Книга Андрея Самцевича является первым отечественным исследованием, рассматривающим данный вопрос. В ней, на основе ранее неизвестных документов, подробно рассмотрены обстоятельства развертывания и комплектования формирования на различных этапах его истории, ведения им боевых действий против повстанцев и регулярных вооруженных сил противников Германии на территории Сербии и Хорватии и проведения его военнослужащими многочисленных карательных акций в отношении местного населения.

УДК 93/94

ББК 68

ISBN 978-5-00155-025-9

© Самцевич А. А., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Введение	5
Глава 1	11
Русская колония в начальный период оккупации Сербии	11
Первая попытка создания русского формирования, лето 1941 г	14
Русская эмиграция в Сербии и массовое восстание лета 1941 г	16
Переговоры русского бюро с германским командованием в Сербии, подготовка к развертыванию формирования	21
Глава 2	28
Вербовка за пределами Сербии, 1941 г	34
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Самцевич

Марш Смерти Русского охранного корпуса

Введение

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война раскололи российское общество на два непримиримых лагеря: сторонников и противников новой власти. Сотни тысяч наших соотечественников были вынуждены покинуть родину и осесть в самых разных уголках мира – от Китая и Японии на востоке до государств Латинской Америки на западе. Но наибольшее их количество проживало в европейских странах, практически в каждой из которых к 1939 г. имелись русские колонии различной численности. Немалая часть эмигрантов отнюдь не смирилась с поражением, все эти годы мечтая о реванше и уничтожении советского режима. Поэтому неудивительно, что начало Германией войны против СССР вызвало широкий отклик и радость в их рядах. Тысячи из них не ограничились моральной поддержкой и влились в состав Вермахта, войск СС, многочисленных военизированных или вспомогательных организаций Рейха, армий его союзников.

Определенное количество русских граждан Германии служило в рядах ее армии на призывной или профессиональной основе еще в довоенный период. Наиболее известен среди них молодой офицер-связист 116-й танковой дивизии гауптман Алексей Стахович, участник аншлюса Судетской области, польской и французской кампаний, боев на Восточном фронте и в Нормандии¹.

До нескольких тысяч эмигрантов служили на Восточном фронте в качестве переводчиков, имея статус «зондерфюреров» – прикрепленных к армии гражданских специалистов². Несколько десятков воевало в рядах различных добровольческих частей, набранных из граждан оккупированных и нейтральных стран Европы: порядка 20–25 – в 250-й испанской «Голубой» дивизии Вермахта, примерно столько же – в 638-м французском полку. Русские, самым высокопоставленным из которых был СС-штурмбаннфюрер Георгий Чехов, служили в валлонских формированиях Вермахта (373-й пехотный батальон) и войск СС (5-я бригада и 28-я гренадерская дивизия «Валлония»), а также в 33-й французской дивизии СС «Шарлемань» (ваффен-штандартенюнкер Сергей Протопопов, ваффен-штурман Николай Самосудов, ваффен-шарфюрер Николай Шумилин и другие). Несколько человек (в том числе полукровок) воевало в Норвежском легионе СС (например, сын бывшего российского морского атташе в Норвегии СС-унтершарфюрер Николай фон Веймарн)³.

Список армейских частей, служб и различных организаций (Абвер, СД, Национал-социалистический автокорпус, Немецкий Красный крест) Германии, в которых служили эмигранты, можно продолжать и далее. Но во всех этих случаях речь идет о единичных лицах или небольших группах лиц, не объединявшихся в рамках обособленных формирований (хотя, в ряде случаев, руководивших частями и подразделениями из граждан СССР). Особняком стоит действовавший на территории оккупированной Сербии Русский охранный корпус Вермахта (далее

¹ *Lodieu D.* Panther in Normandy: The 116 Panzer Division's Battalion Odyssey, July-August 1944. Paris, 2012. P. 11.

² Подробнее см.: *Beyda O.* «Iron Cross of the Wrangel's Army»: Russian Emigrants as Interpreters in the Wehrmacht // «Journal of Slavic Military Studies» № 27, 2014. P. 430–448.

³ *Julia X. M.* The Blue Division: Spanish Blood in Russia, 1941–1945. Brighton, 2015. P. 384–386; *Черкасский О.* Они сражались за Францию? Русские во французских частях СС // «Эхо войны» № 1 (4), 2011 г. С. 22–31; *Ковалев Б.* На службе у Франко. Коллаборационисты в «Голубой дивизии» // «Родина» № 4, апрель 2013 г. С. 105–109; *Кузнецов Н., Семенов К.* Три войны русского моряка Г.В. Чехова // Войска СС без грифа секретности. М., 2010. С. 274–284; *Legions-minner. Trekk av den Norske legions historie.* Oslo, 1943. S. 51; *Бэйда О.И.* Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. М., 2013. С. 273–293.

– РОК)⁴, являвшийся до передачи в состав немецкой армии военизированным формированием, известным как Русская группа заводской охраны (РГЗО). Хотя позже он был пополнен большим количеством добровольцев, не относившихся к категории эмигрантов первой волны, его уверенно можно называть в первую очередь эмигрантским формированием.

Второй отличительной особенностью корпуса является его достаточно высокий статус, связанный с местом, которое он занимал в немецкой оккупационной системе в Сербии. Русские, части которых были разбросаны по всей ее территории, не только выполняли важные функции в интересах военного командования и хозяйственных властей, обеспечивая бесперебойную добычу и вывоз стратегически важных видов сырья, но и в некоторые периоды составляли костяк германской военно-полицейской группировки в стране.

Первой целью нашей работы будет являться создание максимально подробной картины истории данного формирования, особенностей его функционирования и обстоятельств ведения боевых действий в различные периоды. Второй же мы выбрали определение его места и роли в составе сначала оккупационной армии в Сербии, а затем – в объединенной немецко-хорватской группировке, участвовавшей в защите территории Независимой Державы Хорватии на заключительном этапе войны.

Актуальность выбранной темы исследования объясняется высоким интересом отечественного читателя к проблеме коллаборационизма русской эмиграции в целом и истории РОК в частности. В то же время, как в России, так и за рубежом наблюдается отсутствие достаточного количества работ, рассматривающих проблему и наличие большого числа домыслов и подтасовок фактов в имеющихся источниках. Насколько же изучена история выбранного нами формирования в отечественной и зарубежной историографии?

В советский период о корпусе если и писалось, то, как правило, в самых скудных фразах. Например, Михаил Семиряга упоминал РОК, *«который участвовал в карательных акциях против партизан»*, буквально одним предложением⁵. В монографии Леонида Шкаренкова вопросу было уделено четыре абзаца. Наряду с ошибочными (*«12 сентября [1941 г. – А.С.] в Белграде, на Банице, немецко-фашистское командование устроило смотр «охранного корпуса»*) или откровенно выдуманными (о принудительной мобилизации эмигрантов) утверждениями, в ней давалась и вполне точная информация. Например, называлась фамилия командира корпуса, генерал-лейтенанта Бориса Штейфона и даже упоминался *«квислинговский газетный листок» «Ведомости Охранной группы»*⁶.

В другой работе давались сведения о вербовке в ряды формирования в Протекторате Богемия и Моравия, приводилась вырванная из контекста и не имеющая из-за этого смысла цитата неизвестного респондента и утверждалось, что *«белогвардейцы из Охранного корпуса проявляли жестокость в карательных операциях против югославских антифашистов, ни в чем не уступая германским частям с которыми сражались бок о бок»*⁷. Исключением можно назвать лишь работу Раисы Абловой, в которой приводились конкретные факты, касавшиеся вербовки в формирование на территории Болгарии⁸.

Отрывочные упоминания по интересующему нас вопросу можно найти и в мемуаристике того периода. Например, генерал-полковник Владимир Толубко и полковник Николай Барышев коротко упоминали, что осенью 1944 г. в полосе действия 57-й советской армии вели бои, в том числе 2-й и 4-й полки *«русского белогвардейского охранного корпуса»*⁹.

⁴ В обиходе широко использовался так же термин «шуккор» (сокращение от «охранный корпус» (нем. *Schutzkorps*)).

⁵ Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 119–120.

⁶ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 185–186.

⁷ Гетманенко О.Д., Юшко А.А. Черная белая гвардия // «Военноисторический журнал» № 11, 1989 г. С. 47.

⁸ Аблова Р.Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М., 1973. С. 321, 329, 333–338.

⁹ Толубко В.Ф., Барышев Н.И. От В иди на до Белграда. М., 1968. С. 89.

В постсоветской историографии рассмотрению вопроса были посвящены в основном фрагменты ряда монографий по проблематике русского коллаборационизма и эмиграции¹⁰. Несмотря на их многочисленность, они были написаны в первую очередь на основе различных мемуарных и публицистических источников, изданных в среде русской эмиграции, в том числе объединением ветеранов корпуса. В основном они повторяют друг друга и грешат различными существенными недоработками. Достаточно сказать, что ни в одной из них не говорится, что до включения в состав Вермахта формирование в течение года официально являлось группой заводской охраны.

В 2008 г. увидели свет статьи Константина Котюкова и Михаила Шкаровского, впервые полностью посвященные вопросу. Первая рассматривала историю формирования в целом и была почти полностью идентична упомянутым выше исследованиям, но при работе над второй, посвященной институту военных священников в эмигрантских частях, историком был использован ряд архивных документов¹¹.

Наиболее ценна из работ подобного уровня, на наш взгляд, статья петербургского исследователя Кирилла Александрова, впервые подробно рассмотревшего историю создания корпуса¹².

Крайне интересна также переводная статья болгарской исследовательницы Цветанны Кьосевой, написанная на основе документов из болгарских архивов и рассказывающая о вербовке добровольцев в рассматриваемое формирование на территории Болгарии, а также материал венгерского специалиста Юдит Пихурик, частично затрагивающий аналогичный вопрос касательно Венгрии¹³.

Очень слаба статья московского историка Андрея Мартынова, посвященная службе в рядах формирования советских граждан: написанная практически исключительно на основе ряда мемуаров, она освещает вопрос крайне поверхностно и сумбурно. Так, в тексте перепутаны эпизоды дезертирства бывших красноармейцев из 10-й и 11-й рот 2-го полка в Бырнице (причем откровенно искажается содержание указанного в сноске источника), а заведомо промежуточная цифра в 5067 добровольцев из Румынии выдается за итоговую. Присутствует в работе и целый ряд других фактических ошибок и логических выводов, доказывающих полное незнание автором рассматриваемого вопроса¹⁴.

Наиболее крупной работой по теме на данный момент является биографический справочник, выпущенный известными публицистами Сергеем Волковым и Павлом Стреляновым (Калабуховым)¹⁵. Так как он получил большую известность в отечественных научных и читательских кругах, видится необходимым рассмотреть данное издание подробнее.

¹⁰ См. например: *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000. С. 183–184; *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С. 207–208; *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 517–539; *Чуев С.* Власовцы – пасынки Третьего Рейха. М., 2006. С. 115–129; *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010. С. 119–134; *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 520–528.

¹¹ *Котюков К.Л.* Формирование и боевая деятельность Русского Охранного корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // «Отечественная история» № 3, май 2008 г. С. 86–94; *Шкаровский М.В.* Духовенство Русского корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // «Вестник церковной истории» № 1 (9), 2008 г. С. 179–200.

¹² *Александров К.М.* Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов / Составители К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. СПб., 2012. С. 83–121.

¹³ *Кьосева Ц.* Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе в Югославии (По документам болгарских архивов) // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. редактор и составитель В.Ю. Жуков; Науч. редактор В.Ю. Черняев. СПб., 2011. С. 100–114; *Пихурик Ю.* Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии. М., 2012. С. 142–154.

¹⁴ *Мартынов А.* Красные в рядах белых: к вопросу о службе советских граждан в Русском корпусе // История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. М., 2017. С. 284–289.

¹⁵ *Волков С.В., Стреляное (Калабухов) Н.П.* Чины Русского корпуса. Биографический справочник в фотографиях, М.,

Справочник написан исключительно на основе эмигрантских источников, в первую очередь ветеранского журнала «Наши вести» и нескольких сборников мемуаров. Данную источниковую базу следует признать недостаточной и однобокой для исследования подобного масштаба. При этом авторы, насколько можно понять из-за отсутствия в работе ссылок на источники, восполняли недостаток сведений собственными домыслами. Например, многие военнослужащие, не относившиеся к категории эмигрантов, в тексте снабжены соответствующей пометкой¹⁶.

В работе используется крайне спорный понятийно-категориальный аппарат и подход к рассмотрению вопроса. Сложно комментировать, что «*чины и звания корпусников указаны русские, по немецкой линии они поставлены в скобках*»¹⁷, причем как немецкое звание в тексте фигурирует «рядовой» (правильно – «стрелок» или «солдат»). Вызывает недоумение использование архаичного термина «чины», вместо «военнослужащие» или «личный состав». Служившие в полулазарете корпуса сестры-хелферин называются «сестрами милосердия». Само утверждение об их службе в корпусе является несостоятельным – сестринский персонал любых медицинских учреждений армии и войск СС относился к служащим невоенной организации Немецкого Красного креста и не мог числиться в составе воинских частей и соединений¹⁸.

В тексте упомянуто значительное число лиц, никогда не служивших в формировании. Так, бывший офицер парагвайской армии и бразильской полиции эмигрант Святослав Голубинцев, в интересующий период проживавший в Бразилии и работавший представителем в ликерной фирме «Дубар»¹⁹, фигурирует как «*ротмистр*» корпуса²⁰. Бывший летчик российских и югославских

ВВС Георгий Янковский так же значится военнослужащим РОК. Свою смерть он якобы нашел в 1943 г. в Сараево²¹ (в действительности погиб в звании бойника ВВС Хорватии при катастрофе самолета 9 сентября 1944 г. на аэродроме Залужаны под Баня-Лукой²²). Авторы, вероятно, не смущали даже логические нестыковки, что в пехотных частях, к которым относился корпус, не было кавалерийского звания «ротмистр», а в 1943 г. военнослужащему РОК было достаточно трудно погибнуть в районе Сараево, отделенном от его зоны действия государственной границей и расстоянием в несколько сотен километров.

И, наконец, удивляет крайне странный подбор информации, отобранной авторами для включения в справочник. Например, говоря о немецком военном формировании, участвовавшем во Второй мировой войне, они достаточно скрупулезно переписывают сведения о полученных его солдатами и офицерами за 20 и более лет до рассматриваемых событий некоторых российских орденах (Св. Георгия, Св. Владимира и Св. Николая Чудотворца). Однако ни словом не упоминаются многочисленные награды Германии и Хорватии, которыми те были отмечены в интересующий период. Принимая во внимание, что подобная информация присутствует даже в использовавшихся ими источниках, мы не беремся найти логику в подобном выборе.

Частично рассматриваемый нами вопрос затрагивается в ряде отечественных диссертационных исследований. В качестве наиболее характерного примера приведем работу Сергея

2009.

¹⁶ Наиболее ярким примером здесь можно назвать молодого добровольца из СССР Владимира Долгополова (подробнее рассмотренного нами ниже), голословно записанного авторами в эмигранты (Там же... С. 125).

¹⁷ Там же... С. 11.

¹⁸ *Williamson G. World War II German Women's Auxiliary Services. Oxford, 2003. P. 33.* Подробнее об институте хелферин Немецкого Красного креста см.: *Schweizer J. Les auxiliaries de la Deutsches Rotes Kreuz. Uniforme et équipement, 1938–1945 // «Armes Militaria Magazine» № 314, septembre 2011. P. 28–33.*

¹⁹ *Окороков А.В. Русские добровольцы. М., 2007. С. 134.*

²⁰ *Волков С.В., Стреляное (Калабухов) Н.П. Чины Русского корпуса... С. 101.*

²¹ Там же... С. 501.

²² *Aralica T., Čopec R., Jeras M., Kinjerovac Z., Haraminčić T. Sto godina ratnog zrakoplovstva u Hrvatskoj. Zagreb, 2012. S. 96.*

Дычко (научный руководитель – доктор исторических наук Виталий Ершов), рассматривающую историю русской военной эмиграции в Югославии. Об уровне данного «научного труда», в числе прочего, красноречиво свидетельствуют откровенно нелепые утверждения, что «Корпус был придан 65-му немецкому армейскому корпусу генерала Фельбера (поэтому корпус именовался «группой Фельбера»)» и «немецкое командование стало препятствовать работе вербовочных комиссий, и приток пополнений сократился»²³.

Зарубежными историками вопрос рассматривался крайне скупо.

В бывшей Югославии была опубликована статья Драголюб Петровича, посвященная частям РГЗО и РОК в восточной Сербии, а также затрагивающая некоторые общие аспекты истории формирования. Она содержит целый ряд не выдерживавших критики утверждений: например, пассаж, что в июне 1943 г. в рядах РОК числилось лишь 800 эмигрантов из «Югославии», а все остальные были набраны в Болгарии, Румынии и среди советских военнопленных. В том же году корпус, согласно данной статье, был расформирован и распределен отдельными полками по трем немецким дивизиям²⁴.

В современной Сербии издана книга Алексея Тимофеева, содержащая определенный объем сведений по интересующему нас вопросу, но она в основном повторяет работы российских историков, со всеми свойственными им рассмотренными выше огрехами²⁵.

Кроме того, на Западе издана брошюра о РОК американского историка Антонио Муньеза²⁶. Вопросу посвящены и фрагменты ряда обзорных работ, среди которых необходимо выделить книгу немецкого исследователя Ханса Нейлина: она является первой известной нам монографией, где говорится, что до включения в состав Вермахта формирование носило название Русской группы заводской охраны²⁷.

Кроме нее данное принципиально важное обстоятельство освещено в немецкоязычной книге упомянутого выше историка Михаила Шкаровского²⁸.

Затронута рассматриваемая тема и документальным кинематографом: в 2013 г. в ограниченный показ вышел шестисерийный фильм «Русский корпус: свидетельства» (режиссер – Михаил Ордовский-Танаевский). Он фактически не добавил почти ничего нового к истории формирования, лишь повторив и развив разного рода мифы и домыслы²⁹. Его авторам удалось взять интервью у целого ряда ветеранов корпуса, проживающих в различных странах Запада, но задававшиеся им вопросы не носили сколь-нибудь научного и системного характера. В итоге была упущена возможность собрать уникальный материал, касающийся конкретных аспектов боевой деятельности и повседневной службы формирования.

Исходя из всего вышесказанного, максимально подробное рассмотрение истории РОК представляется насущной и актуальной задачей для развития исторической науки в России и за рубежом. Для этой цели мы использовали, кроме рассмотренных исследований, ряд документов из отечественных и зарубежных архивов, мемуары бывших военнослужащих корпуса

²³ Дычко С.Н. Российская военная эмиграция в Югославии в 1920–1945 гг.: институционализация и деятельность. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 142–143.

²⁴ Петровић Д. Квислиншке формације руских белоэмиграната на територији Источне Србије током другог светског рата // «Развитак». – Новембар-децембар 1966. – № 6. С. 77–79.

²⁵ Тимофеев А. Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. С. 46–65.

²⁶ Munoz A. For Czar and Country: a history of the Russian Guard corps 1941–1945. N.Y., 1999.

²⁷ Neulen H.W. An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. Munchen, 1992. S. 231–232; Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 3: Albania, Czechoslovakia, Greece, Hungary and Yugoslavia. San Jose, 1994. P. 257–260.

²⁸ Shkarovskij M. Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa. Münster, 2004. S. 88–89.

²⁹ В качестве наиболее очевидного примера подтасовки фактов, никак не опровергнутой авторами, можно привести прозвучавшие в третьей серии слова ветерана формирования Алексея Легкого, утверждавшего, что, семьи добровольцев якобы не получали никакой материальной поддержки со стороны немецких властей (с 22.04 до 22.40).

и других очевидцев и участников описываемых событий, материалы периодической печати периода войны, а также ряд других источников.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю и сердечную благодарность всем, помогавшим ему в работе. В первую очередь, разумеется, он благодарит унтер-офицера ВС КОНР Александра Янушевского (Буэнос-Айрес, Аргентина), любезно согласившегося дать интервью о своей службе в рядах формирования. Настоятель буэнос-айресского православного храма Святой Троицы протоирей Александр Ивашевич предоставил доступ к материалам из архива церкви. И то, и другое стало возможно благодаря неоценимой помощи проживающей в Буэнос-Айресе исследовательницы Марии Кублицкой. Константин и Ольга Пио-Ульские (Нью-Йорк, США) подробно ответили на вопросы автора и предоставили для публикации ряд фото и документов из семейного архива. Ценные документы и литературу предоставили историки Олег Бэйда (Сидней, Австралия) и Клемен Коцянич (Любляна, Словения). Эдвард Садовский (Вильнюс, Литва) любезно предоставил ряд фото из своей коллекции. Кроме того, автор выражает глубокую признательность за помощь, предоставленный материал и консультации Татьяне Пушкадия-Рыбкиной (Загреб, Хорватия), Сергею Чуеву (Москва, Россия), Алексею Зуеву (Белгород, Россия), Амиру Обходжашу (Загреб, Хорватия), Алексею Арсеньеву (Нови-Сад, Сербия).

Глава 1

Предпосылки создания русских частей в Сербии

Русская колония в начальный период оккупации Сербии

В последние годы перед Второй мировой войной Югославия обладала одной из наиболее крупных общин русских беженцев в мире – по данным Нансеновской канцелярии Лиги Наций на 1937 г. их число достигало 27150 человек. Для сравнения, в соседней Болгарии годом позже эта цифра приблизилась к 16500³⁰. При этом нельзя забывать, что в данное число не входили лица, получившие иностранное гражданство.

«Апрельская война» 1941 г., разумеется, не могла не коснуться наших соотечественников. Достаточно широко известен факт участия русских солдат и офицеров королевской армии в боях против войск Германии и ее союзников. Несколько из них, например, командиры 112-й истребительной и 216-й бомбардировочной эскадрилий капитаны Константин Ермаков и Сергей Воинов, погибли в боях. Инженерный подпоручник запаса Борис Алексеев был убит уже после захвата в плен – военнослужащие сдавшейся в полном составе роты сидели без охраны у обочины дороги, когда с вершины холма за ними кто-то открыл огонь по немецкой колонне. Ответные пулеметные очереди заделали пленных³¹.

Вместе с тем это не меняло факта, что югославские власти и значительная часть русской эмиграции, особенно после мартовского антигерманского переворота, были настроены друг к другу крайне антипатично. По свидетельствам ветерана РОК Дмитрия Персиянова, в последние предвоенные дни властями составлялись списки наших соотечественников, подлежащих превентивному аресту и заключению в концентрационные лагеря – только по Белграду в них были внесены до 800 человек. Будущий редактор шуцкоровских газет «Ведомости Охранной группы» и «Русское дело» Евгений Месснер писал про реакцию русских на начало боевых действий: «она была «их», сербской войной, масонской, еврейской войной тех, по чьему наущению бесчинствовавшая чернь оплевала на улице подле Соборного храма германского посла»³².

Алексей Сомов, ребенком видевший немецкие бомбардировки Ниша, также свидетельствовал: «У русских настроение было приподнятое, они чувствовали грядущие перемены. Ходили упорные слухи, что под руководством Германии Европа пойдет крестовым походом против безбожного большевизма, будет освобождать, как раньше святой город Иерусалим от мусульман, Святую Русь от кровавого большевистского режима»³³.

В первые же дни оккупации руководитель Делегации по защите русских беженцев в Югославии Василий Штрандтман официально выразил немецкому командованию в Сербии заверения в лояльности русской эмиграции. Но практически сразу же он все равно был снят с должности из-за своих компрометирующих его в глазах оккупационных властей международных связей, в первую очередь в Великобритании³⁴.

³⁰ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 122.

³¹ Shores C., Cull B., Malizia N. Air War for Yugoslavia, Greece and Crete 1940-41. London, 1987. P. 181, 212; Пагануцци П. Как мы воевали в сорок первом // «Кадетская переключка» № 31, сентябрь 1982 г. С. 46.

³² Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 83–84.

³³ Савельев П. Глазами белого мальчика / «Наша страна» № 2541–2542, 24 апреля 1999 г. С. 5.

³⁴ Nemačka obaveštajna služba. IV. Nemačka obaveštajna služba u okupiranoj Jugoslaviji i: Srbij a, Makedonij a, Crna Gora. Beograd, 1959. S. 730–731.

Но в целом немцы относились к эмигрантам вполне нейтрально, в ряде случаев даже привлекая их к обеспечению безопасности, как это было, например, в Белой Церкви. Там, вскоре после занятия города, армейское командование поручило персоналу и не разъехавшимся по домам кадетам I Русского корпуса охрану участка дороги перед их зданием. Сменявшийся каждые два часа пост состоял из одного преподавателя или воспитателя и одного воспитанника со старой винтовкой и двумя патронами к ней. Разумеется, он выполнял скорее демонстративную, нежели реальную охранную функцию³⁵.

Война закончилась менее чем за две недели полным разгромом и капитуляцией Югославии. На ее руинах возникли два новых государства – Независимая держава Хорватия и Сербия, а значительные территории отошли Болгарии, Венгрии, Италии и Германии. Но мира это отнюдь не принесло – в стране возникли две крупные силы, поставившие своей целью борьбу против оккупации. Первой из них стало движение четников, возглавляемое югославским полковником Драголюбом Михайловичем (известное также как Равногорское движение или Югославская армия в отечестве (ЮАВО)) и выступавшее в качестве сторонников бывшего короля Петра II. Фактически оно возглавлялось местными воеводами, пользовавшимися высокой автономией, что сыграло впоследствии заметную политическую роль, которая будет рассмотрена нами ниже. Основа движения была заложена еще в 1940 г., когда правительством Югославии были созданы четнические батальоны, предназначенные для ведения партизанской и диверсионной деятельности. Их военнотружущие в первую очередь обучались ориентированию на местности, чтению карт, преодолению водных преград, тактике организации засад и противодесантных действий, действиям в горной местности, владению холодным оружием и взрывчатыми веществами³⁶.

Второй повстанческой силой, сформировавшейся позже предыдущей, но достаточно быстро ставшей гораздо сильнее и популярнее у населения, была Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), официально созданная политбюро Коммунистической партии Югославии (КПЮ) 27 июня 1941 г. Во главе нее бессменно стоял Йосип Броз (псевдоним «Тито»)³⁷.

Вместе с тем первые 2,5 месяца оккупации прошли без заметных акций подполья и перед русской эмиграцией в этот период в первую очередь стояла задача налаживания связей с новыми властями. Эту миссию взял на себя белградский журналист Александр Иванов, который, после переговоров с различными инстанциями, 7 мая подал в органы оперативной команды СД «Белград» проект создания единого русского представительства на территории страны. В итоге идея была одобрена и после различных согласований и переговоров приказом Уполномоченного командующего в Сербии от 22 мая было создано Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии, во главе которого встал бывший генерал Михаил Скородумов. Данный орган структурно включал шесть отделов: финансовый (канцелярию), секретариат, культурно-просветительский, научно-образовательный (включавший Русский красный крест), административный, а также регистрации и печати. Одной из первых задач Бюро стала начавшаяся 11 июня перепись проживавших на территории страны русских, определившая в итоге их численность примерно в 20 000 человек³⁸.

О биографии начальника русского бюро можно сказать, что он был кадровым офицером российской армии и участником первой мировой войны. Тяжело-раненным попал в плен, трижды совершив попытки побега. В Россию вернулся в рамках обмена в 1917 г. Активно участ-

³⁵ Курганский В. Начало конца // «Кадетская перекличка» № 13, 1975 г. С. 54.

³⁶ Подробнее см.: Babac D. Specijalne Jedinice Jugoslovenske Vojske u Aprilskom Ratu. Beograd, 2006. S. 18–24; Богданович Б. Первый югославский спецназ и его оружие // «Оружие» № 11, 2015 г. С. 1–3, 12–17.

³⁷ Vukšić V. Tito's Partisans 1941–45. Oxford, 2003. P. 10–11.

³⁸ Тимофеев А. Руси и Други светски рат... С. 26, 34, 37–38.

вовал в белом движении и был ранен при штурме Киева³⁹. Гораздо более важен для нашей работы факт того, что Скородумов являлся членом Корпуса императорской армии и флота (КИАиФ). Эта небольшая организация была создана 24 мая 1924 г. из числа офицеров, отколовшихся от Русского общевоинского союза (РОВС) – основной военной структуры русской эмиграции, и возглавлялась генерал-лейтенантом Константином Апухтиным. Группа стояла на позициях «легитимизма» – монархического течения, возглавляемого великим князем Владимиром Романовым⁴⁰.

Из ближайших приближенных Скородумова особо следует выделить журналиста Александра Ланина, руководителя отдела регистрации и печати, а также редактора информационного органа бюро – газеты «Русский бюллетень». С германскими спецслужбами он активно сотрудничал еще в довоенный период, а во время оккупации, действуя под шифром «М-12», являлся агентом аппарата руководителя ЗИПО и СД Белграда. Причем задания данного органа он выполнял и за пределами Сербии, как, например, в ноябре 1942 г. в Софии⁴¹.

³⁹ Чуев С. Власовцы – пасынки Третьего Рейха... С. 121.

⁴⁰ Белоэмиграција у Југославији: 1918–1941. Том I. Приређивачи Миленковић Т., Павловић М. Београд, 2006. С. 381–382; Штейфонъ Б.А. Национална идеја и Корпус И.А. и Ф. / «За Веру, Царя и Отечество», 15/28 јула 1939 г. С. 4.

⁴¹ Немачка обавештајна служба. IV... S. 541; Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. С. 338.

Первая попытка создания русского формирования, лето 1941 г

Начавшаяся 22 июня 1941 г. советско-германская война сразу же нашла свое отражение в деятельности бюро по делам русской эмиграции – уже на следующий день Скородумов отправил в неустановленную инстанцию в Берлине ходатайство о разрешении формирования русской дивизии для отправки на Восточный фронт с приложением проекта развертывания⁴².

Наличие данного проекта свидетельствует о том, что подготовка к созданию формирования была начата в значительно более ранний срок. Кирилл Александров относит эти события к концу мая – началу июня, когда по приглашению Скородумова в Белград прибыл бывший генерал-майор Борис Штейфон⁴³, ранее работавший весовщиком-счетчиком вагонов на руднике Ртан в районе Бора. Ему было поручено немедленное составление штатного расписания и разработка плана развертывания дивизии, исходя из численности военнообязанных эмигрантов примерно в 5000 человек. Ее командиром Скородумов видел себя, начальником штаба – Штейфона, старшими офицерами – генерал-майоров Бориса Гонтарева, Ивана Кириенко, Николая Голощапова, полковников Николая Неелова, Якова Яковлева, других членов КИАиФ. Информацию о скором начале войны руководитель русского бюро, как предполагает Александров, мог получить от эмигрантов Петра Дурново (сотрудничавшего с Абвером в довоенный период) и Федора Вальдмана (руководителя объединения российских немцев в Сербии)⁴⁴.

Практически одновременно с отправкой скородумовского ходатайства группа известных в Сербии русских общественных деятелей во главе с Александром Ланиным опубликовала «Обращение к русскому народу и русской эмиграции», в котором выражала поддержку Германии в борьбе с СССР. В нем, в частности, содержался призыв к эмиграции быть готовой к возвращению на родину для «участия в построении Русского Будущего в союзе двух величайших Империй: Российской и Германской». Среди подписавшихся были Михаил Соломахин, Евгений Месснер, Василий Пронин, Евгений Шелль, Виктор Гордовский, Николай Тальберг, Николай Рклицкий, Дмитрий Персиянов, Николай Чухнов, Владимир Гриненко⁴⁵.

Однако из Берлина в кратчайшие сроки пришел вежливый, но отрицательный ответ⁴⁶. Данное решение представляется вполне закономерным – германское военно-политическое руководство в тот период официально выступало против использования русских эмигрантов на Восточном фронте, что подтверждается нормативными актами и распоряжениями высших инстанций Рейха, изданными в этот период. Так, 18 июня руководитель гестапо Генрих Мюллер разослал во все отделения государственной полиции указ о препятствовании возвращению эмигрантов из России на Восток. За неразрешенное оставление места проживания или работы предусматривался арест. Официальное решение не принимать на службу русских эмигрантов и чехов было принято 30 июня⁴⁷.

⁴² Дубина Н.К. Как формировался Русский корпус // «Наши вести» № 366, сентябрь-октябрь 1977 г. С. 6.

⁴³ Родился в 1881 г. Окончил Чугуевское пехотное училище и Николаевскую военную академию. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После революции возглавлял подпольную офицерскую группу в Харькове, затем служил во ВСЮР. В эмиграции сначала в Болгарии, затем – в Югославии. Был исключен из рядов РОВС (*Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 362–364).

⁴⁴ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 92–93.

⁴⁵ Русские в Сербии [авторы Тимофеев А.Ю., Арсеньев А.Б. ... и др.; ответственный редактор А. А. Максаков]. Белград, 2009. С. 273.

⁴⁶ Дубина Н.К. Как формировался Русский Корпус // «Наши вести» № 366, сентябрь-октябрь 1977 г. С. 6.

⁴⁷ Beyda O. «Iron Cross of the Wrangel's Army»: Russian Emigrants as Interpreters in the Wehrmacht // «Journal of Slavic Military Studies». № 27, 2014. P. 432–433.

Одиночные люди и небольшие группы русских успешно обходили подобные запреты и смогли попасть на фронт уже в первые месяцы войны преимущественно в качестве переводчиков немецких армейских частей. Но об официальном согласии на развертывание и отправку на фронт целиком русской части речи быть не могло.

Несмотря на то, что ответ из Берлина вызвал раздражение и неприятие Скородумова, своей «подготовительной» деятельности он не прекратил. 20 июля в театральном зале Русского дома состоялась первая лекция на тему «Ведение современной войны и боя» с объявленным обязательным присутствием для всех бывших военнослужащих. Бюро был открыт ряд специальных курсов по подготовке военных, административных, педагогических, полицейских и инженерных кадров. Из числа бывших российских офицеров были назначены начальники мобилизации по родам войск: Александр фон Аккерман (артиллерия), Вячеслав Ткачев (казаки), Дмитрий Коссиковский (кавалерия) и Дмитрий Шатилов (гвардейская пехота)⁴⁸.

Данная активность встретила неоднозначную реакцию даже в прогерманских кругах русской эмиграции. Например, журналист Николай Февр саркастически писал о «генералах-сорвиголовах», которые *«устраивали какие-то пробные мобилизации и учения, вместо того, чтобы устроить курсы по изучению современных методов политической борьбы и пропаганды. Это, конечно, им трудно было сделать, т. к. за эти годы они не потрудились прочесть ни одной соответствующей книжки. Впрочем, и строевые учения они производили по уставу 1898 г.»*⁴⁹.

⁴⁸ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 97, 99.

⁴⁹ Февр Н. «Прощай, Белград!» / «Новое слово» № 36 (365), 31 августа 1941. С. 6.

Русская эмиграция в Сербии и массовое восстание лета 1941 г

Тем временем события в Сербии стали стремительно развиваться. 7 июля 1941 г., когда в Белой Церкви партизанами Вальевского отряда были убиты два сербских жандарма, принято считать днем начала масштабного антинемецкого восстания. Практически одновременно по всей территории страны пришли в действие 23 отряда НОАЮ (восемь – в западной Сербии, семь – в южной, по четыре в восточной и в Шумадии). Они наносили удары по немецким частям и местным полицейским подразделениям, прерывали железнодорожное и шоссейное сообщение, устраивали диверсии на промышленных объектах и складах. В короткие сроки повстанцами были заняты обширные районы, в частности, большая часть территории к востоку от Дрины в направлении Великой Моравы, вместе с городами Чачак, Ужице, Ужичка Пожега, Ариле, Иваница, Байна-Башта, Любовия, Крупань, Горни-Милановац и Врнячка-Баня. При этом, хотя основную силу восстания составляли именно коммунисты, они повсеместно действовали совместно с четниками Михайловича⁵⁰.

В этой обстановке ненависть повстанцев была обращена, в том числе на русских эмигрантов, которых вырезали целыми семьями. Скородумов в своих мемуарах приводил промежуточную цифру погибших примерно в 300 человек, в том числе женщин и детей. «В Русском доме, где находилось Бюро, все подвалы были забиты голодными русскими беженцами. С большим трудом была создана бесплатная столовая, но это не решало проблему»⁵¹.

Данные оценки числа погибших представляются завышенными, но оно действительно было велико. Известны имена убитых священников Сергия Булавина, Вячеслава Яковлева (оба под Пожаревацем) и Вячеслава Зяпина (Жагубица), судьи, бывшего ротмистра Константина Шабельского (Пожаревац), капитана Рулева и инженера Троянова (рудники в Лисани), есаула Максима Каледина, инженеров Розанова и Казанского (Крупань), фотографа Попова (Баня Ковиляча), младшего унтер-офицера Юстина Мельника и поручика Севостьяна Годиенко⁵².

Уже в первый месяц восстания партизанскими группами в районе Пожареваца были расстреляны девять фольксдойче, «белогвардейцев» и «пятоколоновцев»⁵³. Дочь священника Сергия Булавина, Нина, оставила описание произошедшего в деревне Кула зверского убийства ее отца. Согласно ему, в 21.00 три вооруженных человека пришли в канцелярию общины и заставили казначея отвести их на квартиру отца Сергия. Когда священник открыл им, двое нападавших вошли в дом, а третий остался снаружи. Через час первые двое вышли, ударами прикладов заставляя Булавина идти с ними. При этом один из них нес большой сверток с вещами, замотанными в простыню. Священник пытался убежать, но третий повстанец схватил его и жестоко избил прикладом, после чего отца Сергия увели в сторону и вскоре сельчане услышали выстрел. При осмотре на теле были найдены несколько проникающих ножевых ран в область груди, сквозная огнестрельная рана, а шея была перерезана на глубину 5–6 см⁵⁴.

Информацию об убийстве русского священника можно найти в сентябрьском отчете Пожаревацкого окружного комитета КПЮ: «2-я рота, которая оперировала в Пожаревацком уезде обошла 9 сел, подожгла архивы и провела митинги. В селе Малый Цернич они расстре-

⁵⁰ Карапанцић Б. Грађански рат у Србији 1941–1945. Ваљево, 2010. С. 61–62; Стругар В. Југославија в огње војне 1941–1945. М., 1985. С. 37.

⁵¹ Скородумов М.Ф. История образования Русского корпуса в Сербии // Мемуары власовцев. М., 2011. С. 114.

⁵² Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 31; Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 98.

⁵³ Marković M. Požarevački okrug u ustanku 1941 // Ustanak naroda Jugoslavij e. 1941. Knjiga 4. Beograd, 1964. S. 13.

⁵⁴ Русские в Сербии... С. 274–275.

ляли *попа-русского эмигранта, который передал немцам список наших товарищей*⁵⁵. В том же месяце Майданпекским партизанским отрядом в районе Райкова был убит русский – кассир шахтерской кассы взаимопомощи, а в Благоев Камене немец – директор фабрики и еще двое русских (вероятно, из числа сотрудников). В Пожареваце повстанцы бросили гранату в квартиру *«русской-сотрудницы Гестапо»* (sik), убив ее отца и ранив мать (*«так же шпионку»*)⁵⁶.

9 сентября, после захвата партизанами и четниками Гучи, на горе Елице были расстреляны среский начальник Радивой Хайдукович и председатель среского суда эмигрант Николай Скрипкин (по другим данным – Скрипин). Около 8.30 утра 20 сентября в канцелярии шляпной фабрики в Ягодине коммунист Предраг Павлович застрелил из револьвера ее управляющего, русского эмигранта Викентия Иванова, после чего скрылся.

2 октября 35 повстанцев из Краинского отряда заняли село Рготина, убив председателя общины Влайко Илича, общинного делопроизводителя Живана Илича и *«белогвардейцев»* Александра Мотведера и Тимофея Шевченко. В партизанских донесениях можно найти сообщения об убийствах русских эмигрантов при захвате Андриеваца, а в занятой 24 октября Сокобанье был расстрелян Михаил Погодин⁵⁷.

Эмигрант Евгений Герценштейн писал своему дяде, что Шевченко был убит 18-тилетним Драголюбом Голубовичем, когда, пытаясь спастись, выпрыгивал в окно. Перед немецким военным судом Голубович признался, что русского планировалось похитить, а убийство предусматривалось только при попытке побега. Впоследствии убийца был расстрелян вместе с остальными участниками налета на центральной площади Бора. Так же, по сведениям Герценштейна, при первом нападении на Рготину, 20 августа, был убит инженер Юрий Филиппов, легко ранен другой эмигрант – Сергей Ольденборгер, стреляли в Андрея Куксина. *«Случаев издевательств было больше»*, в частности над начальником станции Метовница Шабельским и священником из Влаоле Вячеславом Зейном. В Лознице (под Жагубицей) стреляли в отца Иосифа Брагина, после чего тот уехал в Белград⁵⁸.

Сын русского врача Льва Мокиевского-Зубка из Лешницы, Олег, вспоминал о покушении на своего отца, которое 11 августа пытался совершить местный мясник Момчило. Отцу и сыну удалось повалить и разоружить серба. *«Отец спросил: «Почему ты хотел меня убить?».* Он ответил: *«Ты служил в Белой Армии – Ты мой враг».* Уходя, он сказал: *«В другой раз я лучше рассчитаюсь»*. Мокиевские отнесли отобранную винтовку в участок и заявили о нападении, но полицейский начальник сказал им, что ничего сделать не может. На следующий день тот же Момчило с товарищем разоружил 14 жандармов и, раздав оружие повстанцам, перешел через Дрину, где убил четырех работавших в поле мусульман, принеся в город их отрезанные головы. Были и другие случаи убийств в округе, в том числе русского кузнеца из села Текериш, а после нападения на врача еще один русский житель Лешницы, Сергей Саливон, с семьей бежал в Шабач⁵⁹.

Для подавления восстания у Вермахта просто не хватало сил – на территории Сербии были развернуты лишь три (704-я, 714-я и 717-я), а в прилегающей восточной Боснии – одна

⁵⁵ Izveštaj okružnog komiteta KPJ za Požarevački okrug od septembra 1941 god. // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom I. Knjiga 1. Borbe u Srbiji 1941. godine. Beograd, 1949. S. 157.

⁵⁶ Izveštaj instruktora Pokrajinskog komiteta KPJ za Srbiju u od septembra 1941 god. iz Požarevačkog okruga // Isto. S. 126.

⁵⁷ Чачански крај у народноослободилачкој борби 1941–1944. Чачак, 1968. С. 78–79; 1941. година // Извештаји Команде Српски Државне Страже за округ Моравски 1941–1944. Јагодина, 2001. С. 38–39; *Gligorij ević I-D. Krajinški partizanski odred // Ustanak naroda Jugoslavij e...* S. 372; *Босилчић* С. Тимочка крајина. Зајечар, 1988. С. 20, 39.

⁵⁸ Писмо Е.Е. Герценштејна С. Смирнову о убиствима и нападима на руске емигранте // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения 1917–1945 гг. / Авторы-составители: Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. М.: Белград, 2017. С. 883–884.

⁵⁹ *Мокиевский-Зубок О.Л.* Сербия в 1941-ом году: война, восстание и белая русская эмиграция в районе города Шабач // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 2 / Под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1998. С. 340–341.

(718-я) пехотные дивизии двухполкового состава. Численность каждой едва превышала 6000 человек. Оставляло желать лучшего и качество личного состава – части были укомплектованы в основном резервистами (например, в 714-й и 717-й дивизиях количество призывников составляло лишь 20 % от общей численности). Большая часть солдат имела от четырех до восьми недель подготовки, военнотружущие с боевым опытом были в меньшинстве (в 704-й дивизии – 30 % от общей массы)⁶⁰.

В этой ситуации немецкое командование, отчаянно запрашивавшее подкреплений для умирения воспламенившейся страны, сделало ставку на привлечение на свою сторону местных сил. Причем речь идет не только об официальном сербском правительстве генерала Милана Недича – германские военные (в лице начальника штаба командующего в Сербии оберста Эриха Кевиша) и политические власти приняли решение расколоть ряды четников, направив их против коммунистов, вступив с этой целью в переговоры с одним из самых влиятельных воевод – Костой Пачанацем.

Пачанац с подчиненными ему людьми весь период с начала оккупации размещался в Топлице, не предпринимая никаких враждебных действий против немцев. Свою позицию он объяснял бессмысленностью сопротивления, приводя в пример подавленное германско-австрийскими оккупационными силами Топлицкое восстание 1917 г. Конфликтная на этой почве с Михайловичем, Пачанац согласился признать правительство Недича и открыто призвал всех четников переходить под его командование для борьбы с коммунизмом⁶¹. Вплоть до своего расформирования в начале 1943 г. подчиненные ему группы так называемых «легализованных» четников несли службу в качестве коллаборационистской милиции, являясь важной частью оккупационной системы.

К этому периоду относится и возникновение другого, меньшего по масштабам, но крайне важного в контексте рассматриваемого вопроса формирования – действовавшего совместно с оккупационной армией отряда из русских жителей Шабаца. Согласно наиболее распространенной версии событий, после убийства пяти казачьих семей, проживавшие в городе казаки создали отряд численностью 124 человека под командованием есаула Павла Иконникова. Совместно с немецким гарнизоном (II батальон 750-го пехотного полка 718-й дивизии и полицейская рота «Шабац») он держал оборону против наступающих партизан и четников до момента деблокады города частями 342-й дивизии Вермахта и переброшенными с территории Хорватии усташскими подразделениями⁶².

По другим данным, после ряда жестоких убийств русских, проживавший в городе бывший капитан Александр Погорлецкий предложил немецкому коменданту сформировать из эмигрантов вооруженный отряд, который усилил бы гарнизон города, насчитывавший на тот момент 180 человек (в том числе 60 местных фольксдойче) с одним танком. Погорлецкий сформировал взвод в 45 человек, который вскоре продемонстрировал свою надежность в бою с повстанцами, потеряв двух бойцов убитыми. Несколько русских получили ранения. После этого отряд был развернут до пяти взводов, общей численностью более 150 человек⁶³.

Шабацкий священник Григорие Бабович 18 сентября оставил в своем дневнике запись, в том числе про эмигрантов: «*В город как подкрепление немецкому гарнизону прибыла одна рота хорватских усташей. Кроме них есть и около 50 вооруженных русских*»⁶⁴.

⁶⁰ Suppan A. Hitler – Benes – Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittel- und Südosteuropa. Teil 2. Wien, 2014. S. 959–960.

⁶¹ Hehn P.N. The German struggle against Yugoslav guerrillas in World War II: German counter-insurgency in Yugoslavia, 1941–1943. Boulder; New York, 1979. P. 29–30; Карапанчић Л. Б. Грађански рат у Србији... С. 37–38.

⁶² Тимофеев А.О. Сербские союзники Гитлера. М., 2011. С. 77–78, 80–81.

⁶³ «Я – марковец!» // «Наши вести» № 461, декабрь 2000 г. С. 16.

⁶⁴ Бабовић Г. Летопис Шапца: 1933–1944. Београд; Шабац, 2010. С. 104.

В опубликованной спустя год статье (написанной, вероятно, одним из бойцов данного отряда) говорилось, что представители местной казачьей станицы уже на второй день войны прибыли к коменданту города со списком из 30 добровольцев, предоставив себя «в распоряжение немецкого командования для борьбы с коммунизмом». Оружие первый отряд, по тем же сведениям, получил 12 июля⁶⁵. Стоявший во главе русской колонии Шабача Павел Иконников, вместе со своим помощником есаулом Монастырским, вероятно, представлял скорее политическую фигуру. Здесь уместно вспомнить, что в одном из партизанских донесений от 14 августа отмечалось, что председатель Шабачкой общины подал в отставку, а на его место был поставлен «русский-белогвардеец»⁶⁶.

Бюро по делам русской эмиграции не осталось в стороне от данного прецедента и оказало помощь русскому отряду – во время приезда Иконникова и доктора Николая Мокина в Белград они имели встречу со Скородумовым, который передал им 5000 динаров на питание бойцов самообороны⁶⁷.

Шабчанин Мара Йованович вспоминал: «Железнодорожная станция опустела, лишь несколько «классов» [классные вагоны, вероятно приспособленные под огневые точки. – А.С.] стояло на путях вне станции по направлению к фабрике «Зорка». Стражу несли белогвардейцы». Одна группа русских, по данным югославского историка Драгослава Пермаковича, укрепились в кафе на левой стороне улицы Масарика, а на территории химического завода «Зорка» в составе сформированного из рабочих отряда (усиленного немецким пехотным отделением) держали оборону около 30 фольксдойче и 10 русских⁶⁸.

Масштабный штурм города партизаны и четники начали в ночь с 22 на 23 сентября. К 4.00 гарнизон города удерживал только городскую комендатуру и территорию радиусом в примерно 200 метров вокруг нее. Нападавшие совершили ошибку, выключив во всем городе электричество (по данным Бабовича, это произошло около 3.00), что дало возможность обороняющимся в темноте перебрасывать на автомашинах группы бойцов на наиболее опасные участки.

Два командира русских взводов к этому времени были убиты, а все остальные ранены, но Погорлецкий, несмотря на ранение (у него было выбито 14 зубов и перебит нос) остался в строю и возглавил контратаку вдоль одной из улиц. Его отряд примерно из 70 человек шел вдоль домов, выбивая оттуда повстанцев, а посередине улицы двигался танк. Рассеяв партизан на церковной площади, они развили удар в двух противоположных направлениях. В итоге к 9.00 утра город был полностью очищен от повстанцев, но ожесточенный бой продолжался в течение всего дня. Среди погибших при обороне русских можно назвать казачьих есаулов Храмова, Коченгина, Наумова и хорунжего Пилипенко.

Пропали без вести подпоручик Гирко и стрелок Григоров⁶⁹.

24 сентября к Шабачу подошли части 342-й пехотной дивизии Вермахта (698-й пехотный полк, III дивизион 342-го артполка, 342-я противотанковая рота, 1-я рота 342-го саперного батальона), II батальон 750-го полка и части хорватской милиции. Они начали зачистку города и прилегающей местности, включавшую в том числе интернирование и заключение в специально созданный концентрационный лагерь всего сербского мужского населения⁷⁰. В записи

⁶⁵ С. Скромная годовщина / «Вѣдомости Охранной Группы» № 33, 5 августа 1942 г. С. 2.

⁶⁶ Izveštaj instruktora Pokrajinskog komiteta KPJ za Srbiju od 14.VIII.1941 god. iz Šabačkog okruga // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom I. Knjiga 1... S. 42.

⁶⁷ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 98.

⁶⁸ Jovanović M. «Wir packen, wir auspacken» // Šabac i Jevreji u susretu. Beograd, 2003. S. 43; Пармаковић Д. Мачвански партизански одред. Шабач, 1973. С. 401.

⁶⁹ «Я – марковец!» // «Наши вести» № 461, декабрь 2000 г. С. 16–17.

⁷⁰ Izveštaj štaba 342 nemačke p. divizije od 24 IX 1941 god. // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom I. Knjiga 1... S. 466–467.

от 27 сентября Бабович снова упоминает русских: *«немцы грабили магазины. Их помощники, русские белогвардейцы и усташы, так же грабили и жгли дома на Камичке, так как, якобы, из них стреляли»*⁷¹.

⁷¹ Бабовић Г. Летопис Шапца... С. 113.

Переговоры русского бюро с германским командованием в Сербии, подготовка к развертыванию формирования

На фоне общей ситуации в стране, в течение лета Скородумов продолжал попытки осуществить идею создания русского формирования, но переговоры он вел уже с представителями различных сил внутри Сербии, а основной целью была заявлена защита русского населения. Контакты с сербским политиком Димитрием Лютичем, занимавшимся в этот период созданием добровольческой команды из сербских коллаборационистов, не принесли результатов: в ее состав, как и в подразделения Сербской державной стражи (СДС), русские могли вступать лишь в частном порядке⁷².

Большой интерес проявил германский Уполномоченный командующий в Сербии генерал Пауль Бадер – 31 августа Скородумов встретился с оберстом Эрихом Кевишем для обсуждения перспектив развертывания подразделений из эмигрантов. Посредником при этом выступал унтершарфюрер Ханс Бок – руководитель курировавшей национальные вопросы референтуры III В оперативной команды СД «Белград»⁷³.

Чем объяснить этот интерес к русскому проекту? Вероятно, ответ можно найти в докладе германского офицера для поручений ритмейстера Кампе, прибывшего в Белград 5 сентября для участия в подавлении восстания. Он констатировал недоверие Бадера и Кевиша к четникам Пачанаца, ввиду вскрывшихся фактов их сотрудничества с коммунистами, и повсеместное недовольство новыми союзниками на низовых уровнях: *«Неясно, не поддерживают ли четники, несмотря на договоренности, постоянно растущую бандитскую активность. Поэтому войска жалуются на невозможную путаницу и неопределенность, так как они должны противостоять коммунистическим бандам, но не могут ничего делать с четниками, хотя во многих случаях нет никакой разницы между коммунистами и четниками»*⁷⁴.

Вероятно, инородные для Сербии и вызывавшие ненависть повстанцев русские эмигранты представлялись командованию оккупационных сил гораздо более надежными кадрами, чем сербские коллаборационисты.

Встреча длилась около двух часов, сам Скородумов впоследствии писал, что выдвинул на ней следующие условия:

- немецкому командованию подчиняется лишь командующий формированием, а остальные служащие – ему и назначенным им русскими начальникам;
- ни одно подразделение не может быть придано немецкими частям. Формирование должно действовать как единое целое;
- служащие должны быть одеты в собственную униформу;
- никто из служащих не приносит присяги, кроме командира;
- после подавления коммунистического движения в Сербии немецкое командование обязуется перебросить часть на Восточный фронт;
- формирование не может быть использовано ни против четников Михайловича, ни против иных государств⁷⁵.

Но почти все из них следует отнести к послевоенным домыслам самого автора. Так, сторонами однозначно не мог подниматься вопрос о неучастии русских в боях против четников:

⁷² В ряды команды действительно записалось несколько русских (*Лироћанац С.* Српски добровољци 1941–1945: у речи и слици. Валево, 2010. С. 18).

⁷³ *Александров К.М.* Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 99–100; *Nemačka obavješajna služba.* IV... S. 280.

⁷⁴ *Hehn P.N.* The German struggle against Yugoslav guerrillas... P. 39.

⁷⁵ *Скородумов М.Ф.* История образования Русского корпуса в Сербии // Мемуары власовцев... С. 116–117.

как уже писалось выше, весь период с начала восстания до поздней осени 1941 г. равногогорцы и коммунистические партизаны действовали объединенными силами. До открытых столкновений между ними дело дошло лишь в последние дни октября, а окончательный разрыв произошел в конце ноября. Достаточно сказать, что менее чем через три недели после переговоров Кевыша и Скородумова, 19 сентября, в селе Струганек состоялась встреча Йосипа Тито и Драголюбa Михайловича. В ее результате была достигнута договоренность (фактически утверждено существующее положение) о ненападении и разделе трофеев. Вторая подобная встреча состоялась в еще более поздний период – 27 октября в селе Браичи⁷⁶.

Немногим менее нереальными выглядят пункты о непринесении добровольцами присяги и использование корпуса как единого целого. Присяга, по общему правилу, является обязательным условием зачисления на службу служащего военных или милицейских формирований в любой стране мира. Отказ от подчинения русских частей немецким военным инстанциям был бы неосуществим в условиях военных действий, что Скородумов как кадровый офицер с боевым опытом должен был отлично понимать.

Относительно предпоследнего пункта, согласно которому немецкое командование якобы должно было перебросить часть на Восточный фронт, точную картину дают свидетельства эмигранта Юрия фон Мейера, присутствовавшего на встрече в качестве переводчика. В числе прочего он изложил принятые Скородумовым условия Кевыша, который подчеркнул, что формирование будет именоваться группой заводской охраны и будет находиться в подчинении уполномоченного по хозяйству в Сербии группенфюрера Национал-социалистического авиационного корпуса Франца Нойхаузена. Он же сообщил, что никакая отправка формирования на Восточный фронт не планируется, так как он нужен для охраны промышленных объектов в Сербии. Кевыш также исключил возможность проведения какой-либо мобилизации – запись могла осуществляться лишь на добровольной основе⁷⁷.

Версия о якобы имевшем место обмане добровольцев со стороны германского военного руководства, не отправившего, вопреки обещаниям, корпус на Восточный фронт, стала широко озвучиваться в середине второй половины XX века, вполне возможно под влиянием изданных Скородумовым мемуаров. Но в более ранних публикациях она не встречается. Так, в августе 1947 г. в «Вестнике» американского отдела РОВС был опубликован ответ неназванного компетентного русского эмигранта (бывшего российского старшего офицера, на 1941 г. проживавшего в Белграде) на письмо начальника союза Алексея Архангельского с просьбой разъяснить обстоятельства создания шуцкора. Респондент прямо писал, что *«немецкие оккупационные власти в Сербии объявили о формировании Русской «охранной группы» с очень скромными задачами местного характера»*⁷⁸. В мае 1950 г. ветеран корпуса, скрывавшийся под инициалами «Б.В.» также свидетельствовал, что *«цель создания корпуса была ясно сформулирована в немецком приказе: «для охраны объектов в Сербии»*⁷⁹.

Полную несостоятельность утверждений об «обмане» доказывает и одно из сентябрьских донесений шефа полиции безопасности и СД обергруппенфюрера Рейнхарда Гейдриха. В нем он, на основании донесения оперативной команды «Белград», сообщал про достигнутую на переговорах со Скородумовым договоренность, что формирование будет использоваться для защиты хозяйственных объектов, в том числе, по просьбе группенфюрера Нойхаузена, рудников. После нормализации ситуации в Сербии русские части должны были быть расформиро-

⁷⁶ Тимофеев А.Ю. Четники. Королевская армия. М., 2012. С. 91–97.

⁷⁷ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 102.

⁷⁸ Записка об обстоятельствах возникновения Русского корпуса // «Наши вести» № 410–411, март-июнь 1988 г. С. 41.

⁷⁹ Б.В. О Русском Охранном Корпусе // «Часовой» № 297 (5), май 1950. С. 15.

ваны. Так же до сведения Скородумова было доведено, что они ни при каких обстоятельствах не могут быть использованы на Восточном фронте⁸⁰.

Бесспорен только пункт, касавшийся необходимости введения для бойцов группы собственной формы. Фактически она представляла собой переделку старой югославской, в достаточных количествах захваченной на складах (впоследствии появилась сделанная на ее основе униформа темно-коричневого цвета). Самым интересным ее элементом (декоративного характера) являлось ношение имитации старых погон российской армии, обозначавших последнее звание служащего в вооруженных силах Российской республики или же в белогвардейских армиях. Ситуация с ними подчас доходила до по-настоящему анекдотических случаев. Например, Владимир Бодиско (родившийся в 1912 г. и в российской армии, соответственно, не служивший), вспоминал, что начальник ветеринарного отдела доктор Василий Истомин приказал ему нашить погоны капитана на основании того, что в дореволюционной России все имевшие высшее образование при зачислении на государственную службу автоматически получали соответствующий ему ранг губернского секретаря⁸¹.

Актуальные звания офицерского состава должны были отмечаться на петлицах: лейтенант имел узкую серебряную полоску, обер-лейтенант – такую же полоску с одним, а гауптман – с двумя ромбиками. Майор – две серебряные полоски, у оберст-лейтенанта они дополнялись одной, а у оберста – двумя ромбиками. У генерал-майора была одна золотая полоска, а так же красный генеральский лампас на брюках и красная подкладка шинели. Звания остальных служащих определялись количеством углов из серебряной тесьмы, нашитых на рукаве выше локтя (один – у ефрейтора, два – у унтер-офицера, три – у фельдфебеля)⁸². Единственным изменением в покрое старой югославской униформы стала переделка стоячего воротника полевого кителя в отложной. На него нашивались петлицы из шинельного сукна. В частях группы в основном использовались чехословацкие стальные шлемы vz.32, но встречались и старые немецкие М16, в обоих случаях, как и форма, доставшиеся «в наследство» от югославской армии. С передней стороны на них белой краской наносились знаки так называемого «ополченческого» креста.

После встречи Мейер советовал Скородумову распространить информацию о добровольном, а не обязательном характере формирующейся группы, а также о ее задачах, но последний ответил, что в таком случае он не сможет выполнить данное Кевিশу обещание о наборе не менее 1500 добровольцев. Даже ближайшим приближенным Скородумов сообщил о результатах переговоров с искажением ряда моментов «в желательную для себя сторону»⁸³.

Что же представляла из себя заводская охрана в системе милитаризированных организаций Третьего рейха? Непосредственно на территории Германии это были небольшие группы полицейского типа, создаваемые на заводах и фабриках в первую очередь с целью предотвращения краж и саботажа. Они так же нередко привлекались к обеспечению ПВО своих объектов.

Административно данные подразделения находились в подчинении министерства авиации. Как правило, служащие заводской охраны носили темно-синюю или серую униформу с открытым или закрытым воротником и фуражки армейского образца. Символика отличалась разнообразием, но обычно использовались фуражечный и нарукавный знак заводской охраны.

⁸⁰ Izveštaj šefa Policije bezbednosti i službe bezbednosti od 12. sep-tembra 1941. o dejstvima partizana i o formiranju ruskog korpusa za zaštitu privremenih objekata na teritoriji Srbije // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom XII. Knjiga 1. Dokumenti nemackog rajha 1941. Beograd, 1973. S. 382.

⁸¹ Юрадо К. Иностранцы добровольцы в вермахте. 1941–1945. М., 2005. С. 59; Бодиско В. И воистину светло и свято дело величавое войны // «Кадетская переключка» № 30, февраль 1982 г. С. 70–71.

⁸² Abbott P., Thomas N. Partisan Warfare 1941–45. London, 1983. P. 35.

⁸³ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 102.

Первый – овальной формы, носившийся на левом рукаве, был вышит серебристо-серой нитью на черном или сером фоне и имел такой же серебристо-серый кант. Он состоял из стилизованного изображения фабрики, располагавшегося между крыльями и над половиной шестерни. Сверху, с наклоном влево, располагался щит, украшенный черной свастикой. Алюминиевый знак на фуражке был в форме орла со щитом. Иногда так же носились петлицы с эмблемой компании. Манжетные ленты бывали разных цветов с выполненными печатными буквами надписями «Werkchutz»⁸⁴.

После победы над Польшей и создания на ее территории Генерал-Губернаторства в заводской охране появились иностранцы – поляки и украинцы. Из последних в конце 1939 г. были даже созданы три отдельных подразделения в Сталёвой Воле, Страховице и Скаржинско, численность которых к весне следующего года достигла 1000 человек. Их командирами были немцы при заместителях-украинцах⁸⁵. Другие славяне поступали на службу поодиночке или небольшими группами. Так, например, на оружейную фабрику Штаера в Варшаве в 1943 г. на непродолжительное время устроились работать охранниками украинцы Леонид Муха и Юрко Слива, а на одном из предприятий немецких железных дорог во Львове служил местный житель Димитрий Сенчук. Один из украинских сотрудников охраны, Дмитро Бойко, вспоминая о своей службе в Варшаве, писал, что в отличие от сотрудников, охранявших электростанции, газо- и водопроводы и другие объекты, он и его сослуживцы, обеспечивавшие безопасность административных учреждений, были одеты не в униформу, а несли службу в штатском. Каждому выдавался носившийся за поясом пистолет⁸⁶.

Договоренность о начале формирования группы быстро достигла представителя МИД Германии при командующем в Сербии посла Феликса Бенцлера, выступившего резко против нее – Скородумов был вызван в посольство, где имел беседу с послом и советником миссии доктором Герхардом Файне, которые объявили ему о своей позиции. В ответ начальник бюро сразу же воспользовался протекцией Кевиша, который был крайне раздражен позицией дипломатических работников и в течение суток смог разрешить возникшую конфликтную ситуацию⁸⁷.

Штаты группы были готовы в первой декаде сентября. При этом от дивизионной структуры было решено отказаться в пользу бригадной. Согласно плану формированию подлежали: штаб, два стрелковых полка (по штатам стрелковых полков российской армии, существовавших до 1915 г.), два кавалерийских эскадрона, две батареи, саперная рота и авиазвено связи (два самолета Fi-156 «Шторьх»).

4 сентября начальник военно-училищных курсов РОВС Михаил Гордеев-Зарецкий пообещал Скородумову предоставить 18 юнкеров из состава роты допризывной подготовки, которые должны были составить комендантский взвод и принимать казармы бывшей югославской королевской гвардии в Топчидере, отведенные Кевишем для приема и размещения добровольцев. Один из этих юнкеров, Владимир Гранитов, впоследствии вспоминал, что Гордеев-Зарецкий в тот день был вызван к начальнику бюро прямо во время занятий и вернулся после них «радостно-возбужденный», сообщив оставшимся взводным, о необходимости формирования команды для назначенной на 7 сентября приемки казарм. В состав взвода, командиром которого был назначен Гранитов, вошли также Владимир Бабушкин, Геннадий Жеромский, Игорь Игнатьев, Владимир Кашкаров, Игнатий Копанев, Валентин Лагус, Владимир Мартыненко, Владимир Миролубов, Эльмурза Мистулов, Петр Мономахов, Георгий и

⁸⁴ Williamson G. World War II German Police Units. Oxford, 2006. P. 34.

⁸⁵ Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. С. 39–40; Гіричак Л. На стежках історичних подій. Карпатська Україна і наступні роки. Нью-Йорк, 1979. С. 297–303.

⁸⁶ Муха Л. З Австрії на Колиму. Львів, 2010. С. 30; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 977527. Д. 91. Л. 159; Бойко Д. «Веркшцц» у Варшаві // «Вісті Комбатанга» № 4, 2011. С. 92.

⁸⁷ Скородумов М.Ф. История образования Русского корпуса в Сербии // Мемуары власовцев... С. 116–117.

Николай Назимовы, Иван Пиноци, Олег и Юрий Плескачевы, Николай Секанов, Борис Тархан-Муратов, Георгий Шефер⁸⁸.

По-настоящему поворотным днем стала пятница 12 сентября, когда Кевешиш вручил Скородумову приказ, разрешающий начать формирование группы. После этого начальник бюро отправился в Русский дом, где им были составлены свой приказ о формировании и сопровождавшая его агитационная «Информация» (содержание которой остается неизвестным). Месснер после войны утверждал, что их авторами на самом деле были Николай Чухнов и Александр Ланин. Чухнов же, не отрицая своего участия в работе, приписывал основное авторство Штейфону. В конечном итоге оба материала немедленно были отправлены в «Русский Бюллетень» для публикации, а их копии вывешены на стене Русского дома. Сдавая их в набор, Чухнов заявил немецкому военному цензору гауптману Танглу, что содержание полностью одобрено Кевешишем, что, разумеется, не соответствовало действительности⁸⁹.

В приказе, подписанном Скородумовым и Штейфоном, среди прочего, говорилось, что *«12 сего сентября мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербию для формирования Отдельного Русского Корпуса.*

Командиром Русского Корпуса назначен я».

Далее Скородумов объявил набор всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет, оговорившись, однако, что *«в первую очередь подлежат набору лица, проживающие в Белграде и его окрестностях»* и что *«охраняя личные интересы каждого эмигранта, я разрешаю явиться в первую очередь всем желающим и свободным».*

Для медицинского освидетельствования новобранцев приказывалось создать пять врачебных комиссий. Бывшие военнослужащие пехоты и кавалерии должны были явиться в Топчидерские казармы к 9.00 18, артиллеристы и ранее не служившие лица – 19, казаки – 20, а военнослужащие технических войск и авиации – 21 сентября. Все, кто не мог прибыть на сборный пункт в указанные сроки, были обязаны, указав причины, зарегистрироваться в те же дни в Русском доме. Всем поступающим в корпус была обещана постанова на все виды довольствия по нормам германской армии, а ставки для обеспечения семей должны были быть объявлены дополнительно. Каждому рекруту надлежало принести с собой две смены белья, постельные и умывальные принадлежности, нож, ложку и кружку. Заканчивался приказ фразой *«С Божьей помощью, при общем единодушии, и, выполнив наш долг в отношении приотлившей нас страны, я приведу вас в Россию»*⁹⁰.

Как можно видеть, приказ был выполнен в очень «обтекаемой» с юридической точки зрения форме: с одной стороны, объявлялась всеобщая мобилизация эмигрантов, а с другой – присутствовало разрешение о явке в первую очередь желающих и свободных. По нашему мнению, Скородумов использовал своеобразный психологический прием, внедряя в среду эмиграции мысль, что так или иначе, мобилизованы будут все годные для прохождения службы лица, но в начале желающим предоставляется право добровольной явки. Не менее «обтекаема» и фраза *«я приведу вас в Россию»*: не содержащая в себе прямого указания на отправку корпуса на Восточный фронт, она была призвана сыграть на чувствах эмигрантов, желающих участвовать в боях против Красной армии. И, наконец, сообщение о формировании «Русского

⁸⁸ Гранитов В.В. Караульный взвод // Русский корпус на Балканах (1941–1945). Сборник воспоминаний и документов / Под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. СПб., 1999. С. 57–58.

⁸⁹ Чухнов Н.Н. В смятенные годы // «Наши вести» № 422–423, 1991 г. С. 32; Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербию: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 104.

⁹⁰ Приказ № 1 отдельному Русскому Корпусу, Белград. 12 сентября 1941 г. // Чуев С. Власовцы – пасынки Третьего Рейха... С. 505–506.

корпуса» вместо группы заводской охраны и сокрытия истинной цели его создания следует признать прямой дезинформацией и обманом потенциальных добровольцев.

Определенный эффект среди эмиграции данные приемы действительно возымели. Например, эмигрант Сергей Афанасьев желал вступить в ряды формирования именно в надежде попасть на восток и изменил свои планы, записавшись в ряды Организации Тодта (ОТ), после разговора с немецким оберстом, объяснившим тщетность этих надежд⁹¹.

Другой русский беженец, Сергей Смирнов (сын которого служил в корпусе), 1 октября писал своему племяннику, уже упоминавшемуся Сергею Герценштейну: *«еще далеко не известно назначение корпуса: есть разговоры, что он идет в Россию, чтобы там, в тылу у немецкой армии, быть помощным органом, т. е. держать гарнизоны и т. п. Это национальное дело, и каждый должен в нем участвовать. Но есть или, вернее, была определено другая версия: что это для работы против повстанцев. В таком случае, мое мнение, что это не наше дело, не русских гостей здесь в течение 20 лет»*⁹².

Кирилл Александров приводит утверждение Скородумова, что финансовые средства на развертывание формирования поступили не только от группенфюрера Нойхаузена, но и от американского консула в Белграде (50000 динаров)⁹³. Но, так как все дипломатические органы США прекратили работу на территории бывшей Югославии еще в апреле, речь идет лишь об очередных домыслах бывшего генерала.

14 сентября произошло событие, которое сам начальник русского бюро описывал как свой трехдневный арест. По его словам, кроме приказа о его задержании из Берлина было прислано распоряжение о снятии с должности оберста Кeviша⁹⁴. Налицо, по крайней мере, логическая нестыковка, как Кeviш мог продолжать оставаться на своей должности, если приказ о его смещении был отдан на таком высоком уровне?

На самом деле, Скородумова пригласили в СД для дачи объяснений перед комиссией во главе с оберштурмбаннфюрером Карлом Краусом. На допросе присутствовали и офицеры Вермахта, мягко пытавшиеся убедить бывшего генерала в невозможности формирования какого-либо «Русского корпуса». Затем руководителя бюро отвели в одну из комнат в канцелярии СД, объявили почетным гостем и предложили располагаться как дома. В знак протеста Скородумов отказался от приема пищи. 16 сентября с него взяли расписку о неразглашении сведений о немецкой политике на востоке и отвезли домой, запретив какую-либо политическую деятельность. Тогда же он был снят с поста начальника бюро по делам русской эмиграции⁹⁵. Приглашенный вместе с ним Ланин просидел под арестом 22 дня, а сразу после освобождения, вместе с Чухновым, был командирован в Кладово⁹⁶.

Противники формирования, узнав об этих событиях, резко активизировали свою деятельность, начав забрасывать немецкие инстанции доносами, обвинявшими Скородумова в уголовных преступлениях дореволюционного периода и принадлежности к масонской ложе Великого Востока, а Штейфона в его еврейском происхождении. Было получено даже еще более странное ходатайство с требованием смещения Скородумова с должности за «авантюрные действия испортившие отношения с сербами». В Русском доме несколько бывших генера-

⁹¹ *Beyda O. A Different Russian Perspective or «Their Long Defeat»: White emigres and the Second World War // Moss T., Richardson T. New Directions in War and History: Debating Military History. Newport, N.S.W., 2016. P. 84.*

⁹² Письмо С. Смирнова своим сестрићу Е.Е. Герценштейну о разочарену у деловану Рускогo заштитногo корпуса // Москва – Сербия; Белград – Россия... С. 882.

⁹³ *Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 106.*

⁹⁴ *Скородумов М.Ф. История образования Русского корпуса в Сербии // Мемуары власовцев... С. 117.*

⁹⁵ Позже на него был назначен генерал Владимир Крейтер.

⁹⁶ *Чухнов Н.Н. В смятенные годы // «Наши вести» № 424, 1991 г. С. 17; Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 107–108.*

лов и старших офицеров устроили бурный митинг, дошедший до срывания со стены приказа о призыве. Остановить его смог генерал Кириенко, в самый острый момент скомандовавший «смирно», произнесший патетическую речь и попросивший всех «трусов» удалиться из зала. Штейфон объявил, что продолжает формирование, а приказ был водворен на прежнее место. Вместе с тем, чуть позже он официально отказался от своей подписи под ним⁹⁷.

Несмотря ни на что, развертывание формирования было слишком необходимо оккупационной администрации, поэтому демарш Скородумова привел лишь к отстранению самого начальника русского бюро, но никак не сказался на продолжении акции.

Таким образом, мы можем заключить, что будущий РОК возник в сентябре 1941 г. как локальное формирование полицейского типа. Его создание представлялось немецкой оккупационной администрации необходимой мерой в виду крайне тяжелой ситуации в Сербии, благодаря чему была обойдена официальная негативная позиция руководства Германии по вопросу привлечения на службу русских эмигрантов. С другой стороны, надо отметить, что его создание происходило в атмосфере интриг в эмигрантской среде, некоторые проявления которых представляются однозначным манипулированием сознанием и попыткой ведения собственной политической игры со стороны Михаила Скородумова.

⁹⁷ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса //Труды II международных исторических чтений... С. 107–108.

Глава 2

Формирование и развертывание первых частей русской заводской охраны

18 сентября к Топчидерским казармам стали стекаться добровольцы, большинство из которых находилось в приподнятом и возбужденном состоянии. От стола для регистрации прибывших распределяли в зависимости от наличия или отсутствия опыта военной службы: не имеющих такового направляли в I батальон, а остальных – во II. Говоря о строгости предъявляемых к новобранцам медицинских требований, можно привести свидетельство записавшегося 19 сентября Алексея Полянского, который называл осмотр *«очень поверхностным»*⁹⁸. Есть и более подробные воспоминания о процедуре медицинского освидетельствования. Согласно одному из них, немецкий врач отказывался утверждать добровольца Ивана Недригайло из-за последствий крайне тяжелых ранений, полученных тем во время гражданской войны: одна его рука была прострелена выше локтя и не разгибалась из-за поврежденных сухожилий, а через всю грудь по диагонали шел глубокий шрам от удара шашкой. *«Скажите этому добровольцу, – обратился к русскому коллеге немец – что его место в военном музее, а не на фронте!»*. Тем не менее Недригайло в конечном итоге был зачислен на службу⁹⁹.

Анатолий Рогожин приводил сведения, что средний возраст добровольцев был около 50 лет, но было среди них и несколько человек старше 75. Основной контингент рекрутов составляли ветераны Первой мировой и Гражданской войн, многие из которых являлись инвалидами, в том числе более 20 человек с ампутированными конечностями¹⁰⁰. Например, на фотографии в личной карточке ефрейтора Александра Фадеева (бывший российский подполковник, поступил на службу 1 ноября 1941 г. в возрасте неполных 63 лет) хорошо видно отсутствие у него левого глаза¹⁰¹.

Гауптман Андрей Невзоров в своих мемуарах описывал эпизод, произошедший при проверке постов в декабре 1941 г. в зоне антипартизанских действий под Крупанем и дающий, на наш взгляд, наиболее точную характеристику боевой «ценности» подобных кадров: *«На следующем посту был юнкер Русет. Он бывал уже в боях в гражданскую войну и был ранен в голову. Рана его страшно уродовала. С левой стороны была удалена часть челюсти. На левое ухо он ничего не слышал, да и на правое плохо слышал. Подхожу к нему, спрашиваю:*

– Как у вас, Русет, ничего не слышно?

*– А? – Не слышит. Повторяю вопрос, все равно без толку. Кричать громко не могу. Ночь. Должна быть тишина. Плюнул и пошел обходить дальше»*¹⁰².

Можно сделать вывод, что вербовщиков в первую очередь интересовали чисто математические показатели роста численности формирования и крайне мало заботили реальные боевые качества набранного контингента. Недостатка в добровольцах не было – уже 1 октября число служащих достигло 893 человек, а несколькими днями раньше, 26 сентября, в составе Русского корпуса был развернут Стрелковый полк двухбатальонного состава. Его командиром был назначен оберст Иван Кириенко, командиром I батальона – майор Дмитрий Шатилов, II –

⁹⁸ Полянский А. Наш первый поход // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под редакцией Вертепова Д.П. Нью-Йорк, 1963. С. 42.

⁹⁹ Альбрехт В.П. Корпусные этюды // «Наши вести» № 392, июль-сентябрь 1983 г. С. 15.

¹⁰⁰ Рогожин А.И. Доклад об обстоятельствах, вызвавших и сопровождавших формирование и деятельность Русского корпуса в Сербии // «Наши вести» № 397, декабрь 1984 г. С. 12.

¹⁰¹ Послужная записка Фадеева Александра (копия) / Личный архив автора (ЛАА).

¹⁰² Невзоров А. Пулеметчик Балабин // «Наши вести» № 314, 1 августа 1972 г. С. 4.

майор Виктор Зборовский, а командирами пяти рот – Гауптманы Михаил Гордеев-Зарецкий, Владимир Гранитов (отец принимавшего казарму юнкера Гранитова), Михаил Тихонравов, Василий Скляр и Василий Игнатьев. Полковым врачом стал штаб-арцт Николай Мокин¹⁰³.

Оберст Кириенко, долгое время бывший правой рукой Штейфона, стал одним из немногих офицеров, заслуживших неприязнь у большинства подчиненных. Отмечалась его грубость и заносчивость, а также крайний монархизм, под влиянием которого он требовал от бывших офицеров элитных «марковских», «дроздовских», «корниловских» и «алексеевских» частей армии Врангеля отказаться от упоминания о своей принадлежности к ним¹⁰⁴. Сергей Вакар писал: «Очевидно, генерала Кириенко после долгого жалкого беженского существования интересовало только собственное величие на новой должности и ничто больше»¹⁰⁵.

Первые недели формирования характеризовались, с одной стороны, большим количеством различных проектов и предложений, которыми Штейфона «заваливали» просители (так, генерал Ткачев предлагал создать «штаб российских ВВС», а Общество офицеров-артиллеристов требовало развертывания артбригады из шести батарей), а с другой – продолжающейся борьбой различных политических группировок вокруг будущего формирования. Начальник IV отдела РОВС генерал-лейтенант Иван Барбович требовал смещения Штейфона и гарантий отправки корпуса на Восточный фронт. В случае отказа от выполнения своих требований он угрожал издать приказ, запрещающий членам союза вступать в формирование. Штейфон, в свою очередь, отвечал на это агитацией с использованием уже записавшихся РОВСовцев. Национально-трудовой союз запретил вступление своим членам, но некоторые из них ослушались этого распоряжения¹⁰⁶.

Важен с политической точки зрения был факт полной поддержки формирования со стороны руководства Русской православной церкви за рубежом во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским). Именно он 26 сентября назначил протоиерея Иоанна Гандурина корпусным священником, а иеромонаха Антония (Медведева) из монастыря преподобного Иова Почаевского в Словакии капелланом 1-го полка. Все дальнейшие назначения капелланов осуществлялись так же по его представлению¹⁰⁷.

2 октября введенное Скородумовым спорное название «Отдельный Русский корпус» было официально заменено более нейтральным «Русский охранный корпус» (нем. *Russisches Schutzkorps*), начальником которого, с присвоением чина генерал-майора, стал Борис Штейфон. Тем временем, с притоком новых добровольцев развертывание формирования шло все ускоряющимися темпами. 8 октября Стрелковый полк был переименован в Сводный полк трехбатальонного состава: I юнкерским батальоном (две роты) руководил майор Афанасий Егоров, II (три роты: стрелковая, техническая и артиллерийская) – майор Дмитрий Шатилов, III (три роты, в том числе 6-я, развернутая позже в конный эскадрон и две казачьи) – майор Виктор Зборовский. 16 октября закончил развертывание IV батальон, через два дня выделенный на формирование 2-го Сводного полка (получив, соответственно, номер I, а его роты стали 1-й, 2-й и 3-й). 23 октября был сформирован штаб бригады (командир – оберст Иван Кириенко, командир 1-го полка – майор Виктор Зборовский, 2-го – майор Афанасий Егоров)¹⁰⁸.

¹⁰³ 1941 // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 38–39.

¹⁰⁴ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 109.

¹⁰⁵ Вакар С.В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения... С. 354.

¹⁰⁶ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II международных исторических чтений... С. 111–112.

¹⁰⁷ Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // «Вестник церковной истории» № 1 (9), 2008 г. С. 182.

¹⁰⁸ 1941 // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 39–40.

10 октября в состав корпуса влились бывшие русские защитники Шабца. Штейфон лично посетил отряд и выразил благодарность его бойцам, а Погорлицкому обещал чин лейтенанта. Но тот был зачислен лишь стрелком и к концу войны смог дослужиться до фельдфебеля. В дневнике шабчанина Бабовича говорится, что русские, уезжая, продавали имущество, в итоге к началу ноября закрылись все русские магазины (Иконникова, Щербакова, Павлова, Монастырского и других) в городе. Надо отметить, что по каким-то причинам в будущем имел место антагонизм между бывшими людьми Иконникова и другими служащими. В июле 1942 г. газета «Ведомости Охранной группы» писала, что редакцией было получено письмо, в котором говорилось, что разбросанные по различным ротам участники обороны *«служат предметом улюков и насмешек»* со стороны сослуживцев и выражалось недовольство, что они не сведены в одну часть со своими офицерами¹⁰⁹.

Особняком стоит русский шабчанин Степан Кузнецов. В обороне города он не участвовал и оказался интернирован вместе с другими жителями, поэтому в корпус вступил непосредственно из лагеря «Черный Яр». Впоследствии Кузнецов служил в различных частях 2-го полка до последних дней войны¹¹⁰.

Вооружение и материальное снабжение формирования шло за счет трофейного имущества бывшей югославской армии и поэтому зачастую оставляло желать лучшего. Так, например, Андрей Невзоров писал, что 7,92-мм винтовки «Маузер» М-24 и ручные пулеметы ZB-26/30 чехословацкого и лицензионного югославского производства были *«очень высокого качества»*, но в I батальоне 2-го полка ZB были заменены на пулеметы «Шоша». *«Более неудачного пулемета встречать не приходилось – тяжел, неудобен, имел сильную отдачу, плохую точность стрельбы и были очень капризны – хочу – стреляю, хочу – нет»*¹¹¹. Револьверы первоначально приобретались в частном порядке и имелись преимущественно у офицеров, причем самых разных типов.

На основе свидетельств бывшего юнкера 1-й роты 1-го полка Александра Янушевского к названным выше образцам можно добавить тяжелые пулеметы «Максим». О качестве винтовок он отзывается не так положительно, как Невзоров, называя его средним (хуже немецких аналогов). В период его службы¹¹² отсутствовали не только некоторые предметы снаряжения, как, например, бинокли (*«вероятно, были старые русские бинокли у офицеров»*) и ракетницы, но даже гранаты¹¹³.

¹⁰⁹ Бабович Г. Летопись Шапца... С. 113, 119; «Я – марковец!» // «Наши вести» № 461, декабрь 2000 г. С. 17; Герои обороны Шабца / «Ведомости Охранной Группы» № 31, 22 июля 1942 г. С. 6.

¹¹⁰ Свежие могилы // «Наши вести» № 363, март-апрель 1977 г. С. 15.

¹¹¹ Невзоров А. Как нас вооружали немцы // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 23.

¹¹² Янушевский, кадет I Русского кадетского корпуса, оставил службу в группе в середине 1942 г., чтобы вернуться в учебное заведение. Дальнейшую свою службу он описывает следующим образом: *«В конце 1943 года, попав в Германию, поступил в подофицерскую школу РОА в Германии, в Мюнзингене. К концу апреля 1945 года все части РОА должны были собраться около города Грюнвальда, и генерал (фамилию не помню) объявил, что война уже заканчивается. Ходят слухи, что США и Англия продолжают войну – против СССР. Вы можете или остаться в РОА здесь, или уходить куда угодно. Всем была дана полная свобода действий. Наш командир роты капитан Семенов (или Смирнов?) нам сказал: Кто хочет со мной – уйдем в горы в Чехию и будем ждать конца войны, какие будут события. Нас пошло с ним примерно 18 человек. В местечке, где мы были, вошли американцы (примерно 7 мая). Мы сидели в доме какого-то чеха. Капитан Семенов (или Смирнов) послал меня, как единственного из всех старого русского эмигранта, в американскую комендатуру, чтобы выяснить ситуацию. Я по-немецки, показывая на значок РОА, объяснил, что мы Русская Армия и воевали только против коммунизма и Сталина. На это американец мне ответил, что он знает единственную Русскую Армию – это Армию Сталина. Он велел передать, что мы все находимся в плену и должны к 16 часам собраться на площади в плен. Наш капитан сказал: Мы должны маленькими группами расходиться. Чехи нам помогли с чехословацкой одеждой. Наша группа 4 человека пошла по шоссе в направлении немецкой границы, чтобы скорее ее перейти. Американская демократия: по дороге никто нас не остановил и не спросил, кто мы и куда идем и что делали раньше. В результате мы попали в Регенсбург, потом я попал в Мюнхен, там работал в Немецком музее, в котором был транзитный лагерь для перемещенных лиц. Узнал, что мои родители находятся в Италии у генерала Андерса. С помощью польского отдела в Германии меня переправили в Италию»* (Письмо Александра Янушевского автору от 2 июля 2014 г./ЛАА).

¹¹³ Там же. За все время службы Янушевского в группе так и не была организована выдача ни личных знаков, ни даже

В донесении уполномоченного командующего в Сербии от 5 декабря 1941 г. сообщалось, что формирование русских охранных частей проходило трудно. Отмечалась нехватка в первую очередь униформы и обуви¹¹⁴. Про крайне плохое снабжение обувью в начальный период существования формирования писал и уже упоминавшийся нами ветеран с инициалами «Б.В.». По его свидетельствам, к этому времени относился приказ, согласно которому сапоги могли носить лишь офицеры, но никто не обратил на него внимания¹¹⁵.

Показателен пример с формированием ветеринарной службы штаба корпуса. По свидетельствам делопроизводителя ветеринарного отдела Владимира Бодиско, к концу 1941 г., кроме его начальника, Василия Истомина, было еще шесть врачей и лишь один опытный фельдшер – унтер-офицер Оглуздин. На фельдшерские должности назначали инженеров и студентов агрономии, студентов ветеринарных факультетов, несмотря на то, что их знания были лишь теоретическими при полном отсутствии практического опыта обращения с лошадьми¹¹⁶.

Отдельно необходимо остановиться на I «юнкерском» (в немецких документах – «кадетском») батальоне 1-го полка¹¹⁷. Приказом майора Егорова он был разделен на роты по признаку образовательного уровня: 1-я рота (командир – гауптман Гордеев-Зарецкий) комплектовалась лицами, получившими среднее образование, а 2-я (гауптман Владимир Гранитов-старший) – имеющими дипломы высших учебных заведений. Не имеющие среднего образования молодые люди и подростки предназначались для развертывания 3-й роты батальона (командир – гауптман Алексей Семенов). Но на практике данный принцип соблюдался далеко не всегда: в первых двух ротах зачастую оставались младшие братья соответствующих установленным требованиям юнкеров и наиболее способные из числа молодежи, а в 3-ю роту, наоборот, отправляли показавших себя худшим образом лиц из первых двух категорий. Личный состав 2-й роты был неоднороден – по воспоминаниям Андрея Невзорова, возраст служащих колебался от 20 до 34 лет, все были выпускниками русских кадетских корпусов. Многие были с высшим техническим образованием, но были и студенты¹¹⁸.

Также можно подробнее остановиться на 4-й «технической» роте II батальона (с развертыванием роты гауптмана Семенова ставшей 5-й), начальником которой был гауптман Евгений Лукин. Алексей Полянский писал, что кроме бывших офицеров железнодорожных и инженерных войск среди солдатского состава были и люди с техническим образованием без опыта военной службы. 4-й взвод состоял практически исключительно из бывших военнослужащих летного состава под командованием лейтенанта Константина Антонова (офицера российских и югославских ВВС) и в обиходе именовался «авиационным». Подготовка личного состава велась по дореволюционным российским уставам и исключительно силами русского командного состава¹¹⁹.

11 ноября 1-й полк принял присягу, после чего состоялся парад, на котором присутствовали генерал Бадер, оберст Кевиш и группенфюрер Нойхаузен. Спустя семь дней, 18 ноября, германское командование решило наконец окончательно покончить с последствиями скородумовского демарша, и Русский охранный корпус был переименован в Русскую группу завод-

каких-либо личных документов.

¹¹⁴ Izveštaj Operativnog odeljenja opunomoćenog komandanta u Srbiji od 5. decembra 1941. komandantu oružanih snaga na Jugoistoku o vojno-političkoj situaciji i rezultatima operacija protiv ustanika u Srbiji i situaciji u NDH // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom XII. Knjiga 1... S. 723.

¹¹⁵ Б.В. О Русском Охранном Корпусе 11 «Часовой» № 297 (5), май 1950 г. С. 16.

¹¹⁶ Бодиско В. Зауряд-ветеринары // «Наши вести» № 400, сентябрь 1985 г. С. 22–25; Исправление // «Наши вести» № 401, декабрь 1985 г. С. 25.

¹¹⁷ 12 сентября 1942 г. 186 прошедших курс обучения юнкеров батальона были номинально произведены в подпоручики. Но никакого служебного значения данное производство, разумеется, не имело.

¹¹⁸ Марков С. «Индейцы» // «Наши вести» № 280, 1 октября 1969 г. С. 9; Невзоров А. 2-я юнкерская рота 1-го полка // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 61.

¹¹⁹ Полянский А. Наш первый поход // Там же... С. 43–44.

ской охраны (нем. *Russisches Werkschutzgruppe*). Во внутреннем делопроизводстве на русском языке, а также материалах периодической печати периода войны эмигранты именовали формирование «Русская охранная группа»¹²⁰. Одновременно продолжало использоваться и прежнее название, причем не только на разговорном уровне – даже печать штаба группы сохраняла надпись «*Russisches Schutzkorps*». Во избежание путаницы в нашей работе мы будем использовать вышеприведенное официальное название. Штаб бригады был расформирован (Кириенко стал помощником Штейфона). Кроме того, состоялось переименование частей: полки стали отрядами (нем. *Abteilung*), батальоны – подотрядами (нем. *Unterabteilung*), а роты – сотнями (нем. *Hundertshaft*)¹²¹. Общий состав группы к этому времени достиг численности 2950 человек¹²².

Кроме идеологического, финансовый аспект следует так же считать одним из немаловажных факторов, обеспечивавших приток добровольцев – кроме собственно жалования, семьи служащих получали пособие: 1600 динаров в месяц на жену и по 400 на каждого несовершеннолетнего ребенка. На 800 динаров могли рассчитывать пожилые и нетрудоспособные матери добровольцев. Периодически имели место и различные разовые акции поддержки со стороны немецкого командования. Например, к Пасхе 1942 г. семьям служащих РГЗО властями было выдано по 0,5 кг смальца по цене 44 динара за кг¹²³.

Владимир Бодиско писал про корыстные мотивы, двигавшие многими добровольцами, и негативные последствия, к которым они приводили: «*Это побудило многих глубоких стариков и даже инвалидов, вступить в Корпус, отнюдь не из моральных, а чисто из меркантильных соображений. [...] на основании своего прошлого и чинов добивались они командных должностей, препятствуя продвижению достойных и превращая свои подразделения в нечто подобное инвалидным командам*»¹²⁴.

Довоенный спектр занятости добровольцев отличался разнообразием. Например, среди них была группа русских сотрудников белградского народного театра, пополнивших ряды РГЗО в октябре–ноябре 1941 г. – служащие оперы Георгий Рот, Виталий Лебедев, Александр Студенцов, оружейник Евгений Дукшинский и статист балета Николай Машеров¹²⁵. По крайней мере один из рекрутов – бывший югославский подпоручник Владимир Вишневский, записанный стрелком – успел некоторое время послужить в формированиях Недича¹²⁶. Но в целом число лиц, имевших современное военное образование и актуальный опыт службы, было невелико.

Среди эмиграции были и лица, негативно воспринявшие факт создания РГЗО. Показания одного из них, некоего П. Иванова, можно найти в документах советской контрразведки СМЕРШ, касающихся начальника подотдела по формированию РОК по Жабальскому району Ильи Перекопского¹²⁷: «*Перекопский активно занимался вербовкой в «Русский добровольческий*

¹²⁰ Примером использования одновременно официального и неофициального вариантов названия может служить основной информационно-пропагандистский орган формирования – газета «Ведомости Охранной группы», первый номер которой вышел 23 декабря 1941 г. На первой полосе данный вариант наименования соседствовал с «Ведомости Группы заводской охраны при Генеральном уполномоченном по хозяйству в Сербии» (нем. *Nachrichten für die Werkschutz-Gruppe des Generalbevollmächtigten für die Wirtschaft in Serbien*).

¹²¹ Подразделения батальонного уровня эмигранты называли «дружинами». Мы будем использовать закрепленный в большинстве известных нам немецких документов термин.

¹²² Хронологическая памятка боевой истории 2-го полка Русского Охранного Корпуса / сост. Мамонтов. Валенсия, 1958. С. 1.

¹²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 9. Л. 77; Красная яичка / «Ведомости Охранной Группы» № 16, 8 апреля 1942 г. С. 4.

¹²⁴ Бодиско В. И воистину светло и свято дело величавое войны // «Кадетская переключка» № 30, февраль 1982 г. С. 70.

¹²⁵ Мацанац Б. Позоришна политика у Србији 1941–1944: студија и документи. Београд, 2011. С. 64.

¹²⁶ Верно служить / «Наша страна» № 2639–2640, 17 марта 2001 г. С. 3.

¹²⁷ Родился в 1888 г. в станице Ново-Николаевской. Бывший офицер армии Врангеля, задержан отделом СМЕРШ 9-го района авиационного базирования 12 ноября 1944 г.

корпус», при этом проводил антисоветскую агитацию. Так, например, еще летом 1941 года, он лично мне предлагал записаться в корпус, при этом пропагандировал следующее: корпус создается для освобождения России от большевизма и установления там прежней власти, пришло время, нужно записываться в корпус, с помощью немцев будем освобождать Россию от большевиков. Когда я ответил, что подожду, то Перекопский мне заявил: «Ждать нечего, нужно использовать момент и выступить на борьбу против большевиков за освобождение Родины»¹²⁸.

Алексей Тимофеев утверждает, что постоянным явлением при вербовке были угрозы и шантаж по отношению к не желавшим записываться в группу эмигрантам¹²⁹. Подобные утверждения можно найти и в ряде других источников. Например, Михаил Шкаровский приводит слова бывшего служащего Шевченко, в 1946 г. показавшего на допросе советскому следствию, что его вступление в РГЗО было вызвано угрозой Штейфона предать его полемому суду за отказ¹³⁰. Югославский автор Сима Бегович писал об уроженце Ялты Сергее Компанийце, находившемся в заключении в нескольких лагерях на территории Сербии (в том числе в белградской «Банице») и Норвегии за отказ вступить в ряды рассматриваемого формирования¹³¹.

Однако значительное количество мужчин-эмигрантов (в том числе призывного возраста) в период оккупации не состояло на службе в РГЗО и РОК. На фоне этого приводимые выше утверждения выглядят спорно. Вместе с тем косвенно почва для них была. Так, агенты разведштаба «Белград» имели задачу в числе ряда других приоритетных групп лиц уделять внимание и уклоняющимся от вступления в группу русским эмигрантам¹³².

¹²⁸ Из спецсообщения УКР «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта № 30341/3 в военный совет фронта о выявлении и задержании на территории Югославии активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М., 2007. С. 739–740.

¹²⁹ Тимофеев А. Руси и Други светски рат... С. 47.

¹³⁰ Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // «Вестник церковной истории» № 1 (9), 2008 г. С. 183.

¹³¹ Begović S. Logor Banjica 1941–1944. Kniga 2. Beograd, 1989. S. 49.

¹³² Nemačka obaveštajna služba. IV... S. 280.

Вербовка за пределами Сербии, 1941 г

Ресурсы потенциальных добровольцев среди русской эмиграции в Сербии стали постепенно подходить к концу. В этой обстановке все большую роль для развертывания новых подразделений стали играть рекруты из других стран юго-восточной Европы. В числе первых среди них 29 октября из хорватского Осиека в Белград прибыли казаки бывшего дивизиона Императорского конвоя. Военнослужащие этой лейб-гвардейской части весь период эмиграции держались вместе и организованно прибыли в корпус в собственной форме и со своими штандартами. Там они были зачислены в 1-й полк как 7-я рота III батальона под командованием Гауптмана Николая Галушкина, а хор трубачей дивизиона стал оркестром полка. Интересен факт, что германское командование разрешило бывшим казакам-гвардейцам сохранить свою старую униформу, которую они носили в небоевой обстановке вплоть до включения в состав Вермахта¹³³.

Основным органом, осуществлявшим вербовку на территории Хорватии, был военный отдел Представительства русской эмиграции при правительстве НДХ под руководством генерал-лейтенанта Даниила Драценко. В начале 1942 г. он сам вступил в РГЗО и покинул территорию Хорватии, назначив своим заместителем генерал-майора Ивана Полякова. Известно, что перед отъездом Драценко поручил своему представителю в Травнике капитану Шмарову сбор группы рекрутов в жупах Лашва Глаж, Плива Рама, Усора и Соли, Посавье. Ее отправка в Сербию была назначена на 28 февраля¹³⁴.

Вербовка добровольцев велась при помощи хорватских властей, причем, по некоторым свидетельствам, имели место случаи принуждения. Так, в послевоенных югославских документах есть упоминание о русском эмигранте из Карловаца Стогарове, арестованном властями (вероятно, Усташской надзорной службой). В тюрьме его посетил другой эмигрант, Евгений Борделиус (в 1934–1938 гг. занимавший пост председателя местной русской колонии), и предложил Стогарову свободу в обмен на вступление в РГЗО. Последний принял данные условия и был немедленно освобожден, но в ту же ночь бежал к партизанам. В том же источнике говорится, что вербовкой в Карловаце руководил Леонид

Иванов, уполномоченный генерала Полякова в городе. В корпус записались русские карловчане Михаил Цертв и Гречкин¹³⁵.

Среди добровольцев были и офицеры хорватской армии Всеволод Колюбакин, служивший в штабе одного из военных округов Домобранства, и подполковник инженерных войск Всеволод Лавров, оставившие службу ради вступления в ряды русского формирования¹³⁶. Но в целом поток рекрутов из Хорватии был относительно невелик и состоял в основном из представителей неквалифицированных профессий. Этому способствовала высокая занятость русских граждан НДХ, в том числе на неплохо оплачиваемой военной и государственной гражданской службе.

Еще одной соседней с Сербией страной, где осенью 1941 г. активно велась вербовка в РГЗО, была Венгрия, получившая после апрельской войны, в дополнении к ранее проживавшим на ее территории русским эмигрантам, значительную их колонию в бывших югославских районах Баната с центром в городе Нови-Сад. Впоследствии в одном из донесений «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта говорилось, что: «*Ближайшим его [Штейфона – А.С.] помощником*

¹³³ Верменов Д. Первый бой Русского корпуса // «Под белым крестом» № 1, 1951 г. С. 10; Salajić M. Staro Belišće. Kulturno-povijesni vodić. Belišće, 2012. S. 72.

¹³⁴ «Сводка» № 26, 27 января 1942 г. С. 1.

¹³⁵ Elaborat. Beloemigranti u Jugoslaviji. U period od okupacije /1941-1945.g./ do oslobodjenja. Zagreb, septembra 1950.g. S. 74.

¹³⁶ Подробнее о них см.: Samcevič A. Rusi i Ukrajinci u oružanim snagama Nezavisne Države Hrvatske 1941. – 1945. Zagreb, 2015. S. 52–55.

являлся генерал Апухтин, именовавший себя «русским военным представителем при королевстве Венгрии». Апухтин руководил формированием «корпуса» в пределах провинции города Нови-Сад». Имеются в донесении сведения и о других участниках набора русских в южной Венгрии. Например, 19 ноября 1944 г. СМЕРШ 17-й воздушной армии в Нови-Саде был задержан бывший полковник инженерных войск армии Врангеля Александр Сахновский, отвечавший в аппарате военного представителя за комплектование саперных частей РОК. Тем же органом был арестован и начальник штаба Апухтина – бывший руководитель канцелярии штаба КИАиФ Алексей Мариюшкин¹³⁷.

Русское военное представительство являлось структурой, объединившей в своих рядах все эмигрантские организации югославского периода. Апухтин поддерживал тесный контакт с оперативной командой СД «Нови-Сад» в лице ее руководителя унтерштурмфюрера Карла Памера, который докладывал в Белград обо всех его связях¹³⁸.

Согласно данным Юдит Пихурик, в одном из адресованных министру внутренних дел Венгрии донесений сообщалось, что осенью 1941 г. немецкое командование в Белграде провело переговоры с Апухтиным на предмет набора проживавших в Венгрии русских в возрасте от 18 до 50 лет. Отмечалось, что многие эмигранты протестовали против этой акции, кроме того в венгерских силовых структурах существовали подозрения, что эти недовольные могут донести о вербовке в английские и американские дипломатические органы, представив ситуацию в «тенденциозном виде». Говорилось также о возможной политической борьбе и интригах за право распоряжения 1 500 000 пенге, выделенных венгерским Генеральным штабом на проведение набора. Вместе с тем необходимо отметить, что немецкая сторона брала на себя все расходы, связанные с вербовкой и транспортировкой добровольцев. Совершенно беспрецедентным является тот факт, что об этой акции первоначально не имели представления ни Министерство иностранных дел, ни премьер-министр Венгрии¹³⁹.

По воспоминаниям Владимира Черепова, он был первым из русских, отправленных Апухтиным в сербскую столицу для проведения переговоров о вербовке. Там апухтинский курьер имел встречу с оберстом Кевишем, который обещал полное содействие венгерской акции. Черепов взял на нее своего друга-эмигранта, бывшего капитана югославской авиации, выполнявшего функции переводчика с немецкого. По нашему предположению, речь может идти о бывшем югославском майоре Борисе Климовиче. Свое последнее звание он получил перед самой войной, 31 декабря 1940 г., поэтому Черепов мог не знать об этом производстве. В довоенный период семья Климовича проживала в Нови-Саде. В заводской охране Борис прослужил очень недолгое время, уволившись, чтобы перейти на службу в ВВС Хорватии¹⁴⁰.

¹³⁷ Из спецсообщения УКР «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта № 30341/3 в Военный совет фронта о выявлении и задержании на территории Югославии активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций // Органы государственной безопасности... С. 739–741. По свидетельствам писателя Александра Солженицына, общавшегося с Мариюшкиным во время пребывания во внутренней тюрьме на Лубянской площади, последнему инкриминировались пп. 1 («измена родине»), 3 («сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно содействие каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады»), 4 (оказание помощи «международной буржуазии» и «находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям», в деятельности против СССР), 13 (активные действия или борьба против революционного движения на ответственной или секретной должности в дореволюционный период или во время Гражданской войны) ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР. Говоря о правомерности обвинений, можно сказать, что например, в п. 1 прямо говорилось, что субъектом мог быть лишь гражданин СССР, которым Мариюшкин не являлся (*Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1991. С. 240–241; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 35–38, 43).

¹³⁸ Nemačka obavješajna služba. IV... S. 438.

¹³⁹ Пихурик Ю. Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 148–149.

¹⁴⁰ Черепов В. Белое воинство // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 66–67; Samcevič A. Rusi i Ukrajinci u oružanim snagama Nezavisne Države Hrvatske... S. 314–316.

В конечном итоге Апухтин получил одобрение премьер-министра Венгрии вербовки. Известно, что русский военный представитель выдвинул немецкой стороне условия обеспечить бесплатный проезд, возможность увольнения со службы желающим и одобрение акции со стороны начальника Генерального штаба Венгрии. Определенные трудности вызывало то, что большинство добровольцев не являлись венгерскими гражданами. В Нови-Саде из стекающихся русских формировали группы по 125 человек и после медицинского освидетельствования транспортировали в Сербию. Первая из них планировалась к отправке 15 декабря¹⁴¹.

Один из добровольцев, Леонид Трескин, в своих мемуарах дает более подробную картину переброски пополнений. По его словам, непосредственно на месте был сформирован подотряд, командиром которого стал Александр Черепов (отец Владимира Черепова). В 1-ю сотню отбирали исключительно бывших офицеров (ее командиром был назначен сам Трескин), во 2-ю (Пантелеймон Козинец¹⁴²) – кавалеристов (преимущественно бывших солдат) и в 3-ю – во главе с Михаилом Зозулиным – казаков. Первой в Белград на грузовиках отправили 3-ю сотню, за ней – 1-ю и, наконец, последней – 2-ю. Вербовка в Нови-Саде проходила в снятом специально для этой цели доме на улице Царя Николая II, где поместилось представительство РГЗО, которое возглавил Апухтин, а начальником канцелярии стал бывший гвардии полковник Георгий Дворжицкий¹⁴³.

Акция по вербовке русских получила освещение в венгерской печати. 8 апреля 1942 г. в «Ведомостях Охранной группы» был помещен краткий обзор данных публикаций: *«Уже некоторые венгерские газеты приводят сведения о Группе и даже помещают фотографии. Одна из газет пишет, что с формированием частей Группы эмиграция активно включилась в борьбу против коммунистов. Даже упоминается казак Жарков – он и все его 4 сына вступили в ряды бойцов»*¹⁴⁴.

Вместе с тем были и обстоятельства, затрудняющие работу вербовщиков: среди эмиграции прошел слух, что сформированные части немцы не задействуют в боях с коммунистами, а отправляют для несения службы в Голландию. Имел место эпизод, когда трое рекрутов из одного из сел в Южном крае, заявили, что в ноябре они поступили на службу, полагая, что набор обязательный и лишь в декабре им объяснили про его добровольный характер¹⁴⁵.

Подразделение Черепова по прибытии с Сербию положило начало формированию 3-го отряда в качестве его I подотряда. Но набор русских жителей Венгрии на этом не закончился. Доброволец Николай Коровников вспоминал: *«ввиду того, что я говорил по-венгерски – меня не взяли сразу на Ванницу, а оставили при Апухтине. Там был у нас этап: приезжали русские из других мест, останавливались на этапном пункте и оттуда ехали дальше в Корпус»*¹⁴⁶.

Согласно свидетельствам Анатолия Янушевского, уже осенью 1941 г. в ряды группы были зачислены несколько эмигрантов из Франции, которых он называет своими знакомыми, из чего

¹⁴¹ Пихурик Ю. Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 149–150.

¹⁴² Родился в 1879 г. Бывший полковник российской, а после революции – украинской армии. С 7 декабря 1917 г. был придан политическому отделу Генерального войскового секретариата Центральной рады Украины, а в следующем году вошел в состав Генеральной рады Украинского казачества. С 5 января 1919 г. – командующий 1-й конной дивизии Действующей армии Украинской народной республики (УНР). Вскоре после этого перешел к Деникину (Тиченко Я. Офицерский корпус Армии Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. С. 205).

¹⁴³ Трескин Л. Новосадская дружина // Русский корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 84–85.

¹⁴⁴ Изъ венгерской печати / «Вѣдомости Охранной Группы» № 16, 8 апркпя 1942 г. С. 2.

¹⁴⁵ Пихурик Ю. Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 150. Согласно источнику, данный эпизод имел место в ноябре 1942 г., но, по нашему мнению, речь идет об ошибке в датировке и эти события относятся именно к первым неделям набора.

¹⁴⁶ О «Варяге» – то, что никогда не было сказано / «Наша страна» № 2891, 8 мая 2010 г. С. 3.

можно сделать косвенный вывод, что это были люди среднего возраста, вероятно ветераны Гражданской войны ¹⁴⁷.

Рассмотрение обстоятельств вербовки подтверждают сделанный выше вывод о большом значении, которое имело развертывание частей из эмигрантов в глазах немецкого командования. В то же время качество личного состава вспомогательного формирования, уровень его подготовки и вооружение оставались на втором месте: осенью 1941 г. ставка делалась лишь на набор в кратчайшие сроки максимального числа добровольцев.

¹⁴⁷ Яциневский А. Боевое крещение юнкеров / «Наша страна» № 2922, 20 августа 2011 г. С. 3.

Глава 3

Первые бои, конец 1941 г

В период развертывания РГЗО командованием германских вооруженных сил был принят целый ряд других мер для подавления восстания. 18 сентября 1941 г. в Сербию из Афин вместе со своим штабом был командирован командующий XVIII горного армейского корпуса генерал Франц Бёме, перед которым были поставлены три основные задачи:

- обеспечить работу железнодорожной связи между Белградом через Ниш на Солун и Софию, а также сообщение по Дунаю;
- обеспечить добычу меди на Борском руднике, а также сурьмы в Митровице и к западу от Вальево;
- используя свежие немецкие силы, переброшенные в страну, подавить партизанское движение и очистить Сербию от повстанцев.

Для их решения Бёме были подчинены 342-я и 113-я пехотные дивизии¹⁴⁸. Кроме того, на протяжении осени немецкая группировка в Сербии усиливалась за счет поступления тяжелого вооружения, в частности, танков. Так, в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Франца Гальдера записано, что 17–18 сентября в Сербию были отправлены 75 трофейных французских танков «Рено»¹⁴⁹.

Для сдерживания партизанской активности были приняты и меры устрашения – приказом генерала Бёме от 10 октября 1941 г. была введена практика расстрелов сербских заложников в ответ на убийства повстанцами представителей оккупационных сил и администрации. Отныне за каждого убитого немецкого военнослужащего подлежали расстрелу 100 человек из числа местных жителей и захваченных боевиков, а за каждого раненого – 50 (на практике данные цифры часто варьировались в большую или меньшую сторону). Массовые казни начали осуществляться уже спустя несколько дней военнослужащими блокированного немецкого гарнизона Краљево. Первые 300 арестованных сербов были расстреляны 15 октября, а на следующий день, за погибших накануне при отражении партизанско-четницкого штурма 25 солдат и офицеров (в том числе сербского поручника), казни подверглись еще 1755 заложников (в том числе 19 женщин)¹⁵⁰.

На прошедшей 14 и 17 ноября в Белграде конференции руководителей немецких штабов и служб в Сербии было определено, что ликвидация занятой партизанами зоны на западе страны вдоль реки Морава с центром в Ужице (так называемой «Ужицкой республики») является первостепенной задачей из-за огромного хозяйственного значения богатого стратегическим сырьем региона. Окончательный план по ее зачистке и разгрому потрепанных в предыдущие месяцы партизанских отрядов был утвержден 18 ноября, а сама операция должна была начаться 25 числа того же месяца¹⁵¹.

Основная роль в ней отводилась частям 342-й дивизии (113-я перешла в наступление лишь 27 ноября), разделенным на три боевые группы (БГ):

- «Запад», в составе I и II батальонов и штаба 699-го пехотного полка, двух артиллерийских дивизионов и 1-й батареи и взвода горных орудий 342-го артиллерийского полка, 3-

¹⁴⁸ *Hehn P.N.* The German struggle against Yugoslav guerrillas... P. 49; Izvod iz saslušanja generala Böhme-a u Nüimbergu 1947 god. // Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovenskih naroda. Tom I. Knjiga 1... S. 682–683.

¹⁴⁹ *Гальдер Ф.* Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010. С. 371.

¹⁵⁰ *Shepherd B., Pattinson J.* War in a Twilight World. Partisan and Anti-Partisan Warfare in Eastern Europe, 1939–45. London, 2010. P. 194; *Давидовић Г.* Чачани на опсади Краљево октобра 1941. године // Краљево, октобра 1941. Округли сто / уредници Драган Драшковић, Радомир Ристић. Краљево, 2003. С. 143, 145.

¹⁵¹ *Glšić V.* Užička republika. Beograd, 1986. S. 249.

й роты 342-го саперного батальона, связных и санитарных подразделений, 2-й и 6-й дивизионных колонн снабжения. Общая численность – примерно 3100 солдат и офицеров. В задачу группы входило наступление по направлению Вальево – Любовия – Байна Башта, а затем – от Рогачицы и Байна Башты через перевал Кодиньяче на Ужице;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.